

Бестселлер New York Times

ЭМИЛИ А. ДУНКАН

ЖЕСТОКИЕ

И пусть они её боятся...

СВЯТЫЕ

18+

Эмили А. Дункан
Жестокие святые
Серия «Young Adult.
Нечто темное и святое»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43676840

Жестокие святые / Эмили А. Дункан ; [пер. с англ. О. Н. Норицкой]:

Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-103766-6

Аннотация

Мгновенный бестселлер New York Times!

Некоторые истории настолько же прекрасные, насколько и ужасные, но они все равно остаются в наших сердцах.

Добро пожаловать в мир «Жестоких святых»!

Этот эпический роман вы не скоро забудете.

Готовьтесь к встрече с:

ДЕВУШКОЙ,

которая умеет разговаривать с богами;

ПРИНЦЕМ,

окруженным предателями и убийцами;

ЧУДОВИЩЕМ

в обличье загадочного юноши, чья улыбка острее ножа.

Они живут в мрачном мире, населенном жестокими святыми и грешниками, в мире, где правит темная магия крови. Здесь нет места любви, потому что это чувство способно окончательно стереть грань между тьмой и светом...

Содержание

1		7
	Надежда Лаптева	7
2		26
	Надежда Лаптева	26
3		36
	Серефин Мелески	36
4		47
	Надежда Лаптева	47
5		64
	Серефин Мелески	64
6		77
	Надежда Лаптева	77
7		91
	Серефин Мелески	91
8		100
	Надежда Лаптева	100
	Конец ознакомительного фрагмента.	118

Эмили А. Дункан

Жестокие святые

*Маме и папе – моей сильнейшей группе
поддержки*

Emily Duncan

Something Dark And Holy #1: Wicked Saints

Copyright © Emily Duncan, 2019

First published by St. Martin's Press

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary
Agency

© Норицына О.Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2019

КАРТА

Надежда Лаптева

*Смерть, чары и зима... Маржесня мучительно
накручивает багровые нитки на бледные пальцы.
Она неуклонна. Неумолима. Вечна. Она может
даровать любое заклинание тем, кого благословила.
Ее власть – материя самих чар.
Писание богов, 2:18*

Умиротворяющее эхо священных песнопений доносилось из святилища в подвалы. Был поздний вечер, как раз перед вечерней, а в это время псалмы богам легко сливались в единый хор.

Надежда Лаптева посмотрела на гору картофеля, готовую обрушиться на стол. А затем резко, чуть не порезав себе кожу, провела ножом по клубню, который лежал в руке. Срезанная кожа тут же свернулась в спираль.

– У клирика важный долг, Надежда, – подражая суровому голосу настоятеля монастыря, пробормотала она. – Ты могла бы изменить ход войны, Надежда. Но тебе, Надежда, предстоит чахнуть в подвалах всю оставшуюся жизнь.

Стол уже засыпали спирали картофельной кожуры. Она и не предполагала, что проведет весь день, отбивая свое нака-

вание, но ей не предоставили выбора.

– Слышала? – Константин вел себя так, будто она ничего не говорила.

Он прислушивался к чему-то, прервав свои вялые попытки почистить эту гору. Но до них доносились только звуки песнопений сверху. Если он пытался отвлечь ее, то это не сработало.

– Ты про нашу неминуемую смерть от картофельной лавины? Я не слышу ее, но уверена, она уже близко.

Получив в ответ испепеляющий взгляд, Надя махнула в его сторону ножом:

– Про что ты говоришь? У нашего порога транавийцы? Да чтобы добраться до нас, им придется подняться по семи тысячам ступеней. Думаешь, Верховный принц наконец решил обратиться в другую веру? – Она старалась, чтобы ее голос звучал бойко, хотя вздрагивала от одной только мысли, что Верховный принц мог оказаться где-то поблизости.

По слухам, он был чрезвычайно могущественным и самым ужасающим магом крови во всей Транавии, стране еретиков.

– Надя, – прошептал Константин. – Я серьезно.

Надя срезала кожуру с очередной картофелины и взглянула на него. Это по его вине они оказались здесь. Поначалу его мелкие шалости, вызванные скукой и бреднями утренней молитвы, казались невинными. Потушить кадило с ле-

монграссом¹ или подрезать фитили храмовых свечек. В худшем случае это посчитали бы незначительным проступком. Ничего, что заслуживало смерти под картофельной лавиной.

Их погибелью стала задумка наполнить чашу для омовения Отца Алексея окрашенной водой, которая напоминала кровь.

Сейчас было не то время, когда стоило шутить с кровью. Гнев Отца Алексея не успокоила отправка провинившихся в подвал. Когда они очистят гору Великого Картофеля – если они ее очистят – им предстояло провести несколько часов за копированием рукописей в скриптории². У Нади уже сводило судорогой руки от одной только мысли об этом.

– Надя.

Константин толкнул ее локтем, отчего нож соскочил с картофелины.

– Черт возьми, Костя.

«Прощай, моя непревзойденная спираль из пятидесяти четырех витков кожи», – печально подумала она.

Она вытерла руки о тунику и сердито посмотрела на него.

Константин не отрывал темных глаз от закрытой двери, ведущей на лестницу. Из-за нее не доносилось ничего...

Ох.

¹ Лемонграсс – трава, произрастающая в Индии, которая обладает резким, свежим, цитрусовым ароматом с легкими нотками миндаля. Ее эфирное масло отлично отпугивает мух, мошек и других насекомых.

² Скрипторий – специальное помещение, отведенное для переписи рукописей.

Картофелина выскользнула из пальцев девушки и упала на пыльный пол. Надя и не заметила, когда все стихло. Костя сжал ее рукав, но она не обратила на это внимания.

«Этого не может быть».

– Пушки, – прошептала Надя.

Только произнеся это слово вслух, она осознала всю реальность происходящего. И тут же перевернула рукоятку в руке, чтобы лезвие прижималось к запястью, словно это не тупой кухонный нож, а один из ее ворьенов.

Пушечную канонаду хорошо знали даже младенцы в Калязине. Потому что ее отголоски они слышали во время колыбельных. Война стала их постоянным спутником, и все дети в Калязине знали, что нужно спастись бегством, когда по воздуху начинают разноситься первые звуки стрельбы и железный привкус магии.

Пушки означали лишь одно: магию крови. А магию крови использовали транавийцы. Уже целое столетие бушевала религиозная война между Калязином и Транавией. Транавийцев совершенно не волновало, что их магия крови оскверняет богов. Будь их воля, они бы стерли все упоминания о богах в Калязине, как это произошло в их стране. Но война никогда не пробиралась дальше границ. До этих пор. И раз Надя слышала пушечные залпы, значит, вражеские войска медленно пожирали ее родину живьем. Сантиметр за кровавым сантиметром они просачивались в самое сердце Калязина, неся смерть и разрушения.

И существовала лишь одна причина, по которой транавийцы решили напасть на уединенный монастырь в горах.

Стены подвала задрожали, а с потолка посыпались комья земли. Надя посмотрела на Костю, в глазах которого застыл страх. Они были обычными послушниками с кухонными ножами. Что они могли сделать, если солдаты доберутся до них?

Надя сжала четки на шее. Гладкие деревянные бусы холодили пальцы. Если бы транавийцы преодолели семь тысяч ступенек, ведущих в монастырь, зазвучали бы сигналы тревоги, но она никогда их не слышала. И надеялась, что никогда не услышит.

Костя схватил ее за руку и медленно покачал головой.

– Не делай этого, Надя, – сказал он.

– Если на нас нападут, я не стану прятаться, – упрямо ответила она.

– Даже если это означает выбор между спасением монастыря и целого царства?

Он снова схватил ее за руку и потянул за собой подальше в подвал. Его страх был оправдан. Надя с вызовом посмотрела на него, хотя никогда не участвовала в настоящем сражении. Она всю свою жизнь провела в этом монастыре, и Костя, видимо, сошел с ума, если считал, что она не станет за него сражаться. Она защитит единственную семью, которая у нее была, ведь этому ее и обучали. Костя провел рукой по коротко стриженным волосам. Они оба прекрасно пони-

мали, что ему ее не остановить.

Надя вырвала руку из его хватки.

– Какая от меня польза, если я сбегу? Да и какой в этом смысл?

Он открыл рот, чтобы возразить, но подвал так сильно затрясся, что Надя даже подумала, не окажутся ли они погребенными тут заживо. Комья земли с потолка посыпались на ее белокурые волосы. Она мгновенно пересекла подвал и оказалась у двери на кухню. Если колокола молчали, значит, враг все еще оставался в горах. У них было время...

Но как только она коснулась дверной ручки, разнесся перезвон. Переливы колоколов показались такими привычными, словно это был простой призыв на молитву в храме. Но затем до нее донеслась неприятная, настойчивая какофония маленьких звонких колокольчиков. Времени больше не осталось. Она рывком распахнула дверь и вбежала по лестнице на кухню, а Костя следовал за ней по пятам. Они пересекли сад – пустой и безжизненный после суровых зимних месяцев – и вошли в храм.

Наде бесчисленное количество раз вдалбливали последовательность действий. Ей следовало отправиться в отдельно стоящую часовню и молиться, потому что это получалось у нее лучше всего. А остальные отправятся к воротам сражаться. Ее нужно было защитить. Но она не относилась к этим наставлениям всерьез. Транавийцы никогда не забирались так далеко в глубь страны, поэтому все эти правила были разра-

ботаны для невероятного случая.

«Ну вот и наступил тот невероятный случай».

Она потянула на себя тяжелые задние двери храма, но сумела приоткрыть лишь настолько, чтобы они с Костей проскользнули внутрь. Звон колоколов отдавался в висках, которые ломило все сильнее с каждым ударом сердца. Их специально отлили такими пронзительными, чтобы поднимать всех с постелей в три часа ночи на службу. И они прекрасно с этим справлялись.

Надя проходила мимо примыкающего коридора, когда кто-то врезался в нее. Она тут же развернулась, держа наготове кухонный нож.

– Святые угодники, Надя!

Анна Вадимова прижала руку к сердцу. На ее бедре висел вензашк – короткий меч, а в руке она сжимала еще один длинный и тонкий кинжал.

– Можно мне это?

Надя потянулась к кортику, и Анна молча отдала ей его. Он выглядел более надежным, чем хлипкий кухонный нож.

– Ты не должна здесь находиться, – сказала Анна.

Костя выразительно посмотрел на Надю. В иерархии монастыря Анна – прошедшая постриг монахиня – занимала более высокое положение, чем Надя. И если бы она приказала ей отправиться в часовню, то Наде пришлось бы подчиниться.

«Значит, не стоит давать Анне такого шанса».

Надя побежала по коридору.

– Они преодолели лестницу?

– Почти, – крикнула Анна.

«Почти» вполне могло означать, что, когда они доберутся до внутреннего двора, там могут оказаться транавийцы. Надя потянулась к четкам и начала перебирать пальцами бусины, выискивая нужную. На каждой из них были вырезаны символы одного из двадцати богов или богинь пантеона. Она различала их на ощупь и точно знала, какую бусину необходимо сжать, чтобы обратиться к конкретному богу.

Когда-то Надя жалела, что отличается от других сирот Калязина, живущих в монастыре, но правда заключалась в том, что, сколько она себя помнила, боги слышали ее молитвы. Происходили чудеса, и она получала божественное благословение. Это делало ее ценной. И опасной.

Она перебирала четки, пока желанная бусина не оказалась внизу. Стоило ей коснуться вырезанного на ней меча, как показалось, будто ей в палец воткнулась заноза. Надя тут же сжала бусину и вознесла молитву Вещеславу – богу войны и защиты.

«Ты когда-нибудь задумывалась о том, что было бы, если бы ты сражалась против людей, которые тоже молили меня о защите?» – Его голос донесся с теплым, летним ветерком и скользнул по ее затылку.

«Нам повезло, что наши враги еретики», – ответила она. Еретики, которые выигрывали войну.

Вещеслав всегда много болтал, но сейчас Надя нуждалась в его помощи, а не в разговорах.

«Пожалуйста, дай мне защитные заклинания», – взмолилась она.

Надя прижала большой палец к бусине Маржени с изображением черепа с открытым ртом. *«Если Маржени рядом, она мне тоже нужна»*, – попросила она.

Божественное благословение потекло по ее венам, и Надя ощутила прилив сил, который сопровождался звенящими аккордами священных слов – языка, на котором она возносила молитвы, когда боги одаривали ее своим благословением. Ее сердце бешено заколотилось – не столько от страха, сколько от опьяняющего возбуждения перед их могуществом.

Когда она, наконец, открыла передние двери храма, просторный внутренний двор был безмолвен. В левой стороне виднелась тропинка, ведущая к мужским кельям, а справа еще одна – уходящая в лес, к древнему монастырскому кладбищу, где покоились тела святых, которые умерли множество лет назад. На улице стояла холодная погода, а на земле лежал выпавший вчера снег. Он шел всю ночь и весь день, усыпав вершины гор Байккл. Оставалось лишь надеяться, что это тоже замедлит транавийцев.

Надя поискала глазами Отца Алексея и обнаружила его на верхней площадке лестницы. Монахи и монахини готовились к битве во дворе. Сердце Нади сжалось от того, как мало

их было. Ее уверенность пошатнулась. Здесь собралось едва ли два десятка человек, которые собирались выступить против рати транавийцев. Этого не должно было случиться. Монастырь находился посреди священных гор, куда было трудно – почти невозможно – добраться, особенно тем, кто не привык к неприступным рельефам.

Марженя проникла в ее мысли.

«Что тебе нужно, мое дитя?» – спросила богиня чар, жертвоприношений и смерти. Марженя была Надиной покровительницей и заявила свое право на это, еще когда та была ребенком.

«Я хочу познакомить с божественным благословением пришедших в Калязин еретиков. Чтобы они попробовали его на вкус, – ответила она. – Пусть боятся того, что с ними могут сотворить верующие».

Она почувствовала, как развеселилась Марженя, а затем ощутила новый прилив силы. Благословение, дарованное покровительницей, не имело ничего общего с тем, чем одарил ее Вещеслав. Если он опалял жаром, то она окутывала льдом, зимой и колоссальной яростью.

Их нетерпеливые и порывистые чары зудели под Надиной кожей. Оставив Костю и Анну, она направилась к Отцу Алексею.

– Держите людей подальше от лестницы, – тихо сказала она.

Нахмурившись, настоятель посмотрел на нее. Его смути-

ло не то, что семнадцатилетняя девушка отдавала ему приказы – хотя, если они выживут, он ее хорошенько отругает за это, – а то, что она вообще не должна была там находиться. Где угодно, но только не там.

Надя выжидающе подняла брови, желая, чтобы он занял ее место. Она должна была остаться. Ей хотелось сражаться. Она не собиралась больше прятаться в подвалах, пока еретики разносят в пух и прах ее страну и дом.

– Назад, – через несколько секунд крикнул он. – Отходите к храму.

На внутреннем дворе было не так уж много места для сражения.

– Что ты задумала, Надежда?

– Устроить божественный суд, – покачиваясь на носках, ответила она.

Если она замрет хоть на мгновение и задумается о том, что сейчас произойдет, то начнет трястись от страха.

Его усталый вздох донесся из-за спины, когда она направилась к лестнице. Враг мог добраться до монастыря только по ней, и обычно ее ступени укрывал слой льда, делая восхождение невозможным. Но только не сегодня.

Откуда транавийцы узнали, что Надя здесь? О ее существовании знали только те, кто жил в монастыре.

Ну... и царь. Но он находился очень далеко, в стольном граде. Вряд ли известия о ней добрались до Транавии.

Она еле слышно зашептала молитвы на священном языке.

На ее губах вспыхивали символы, которые тут же расплывались в облаке тумана. Надя опустилась на колени и провела пальцами по ступенькам. Скользящий камень покрылся льдом, превращая лестницу в сверкающий на солнце скат.

Бездумно вертя в руках ворьен, она шагнула назад. Заклинание лишь откладывало неизбежное. Если у транавийцев есть маг крови, который сможет противостоять ее чарам, они скоро окажутся здесь.

«Но и отступить некуда».

Надя могла сразиться с не очень сильным магом крови. Но при мысли, что здесь мог оказаться транавийский лейтенант или генерал – маг, заслуживший звание только благодаря своему уровню силы, – ей захотелось сбежать обратно в храм, где ей и следовало сейчас находиться.

Марженю развеселили ее опасения.

«Я должна быть здесь», – сказала себе Надя.

К ней подошел Костя. Он избавился от кухонного ножа и сейчас удерживал новенькое – посох с длинным лезвием на одном конце. Опершись на него, он посмотрел вниз, на исчезающую вдали лестницу.

– Уходи, – сказал он. – Еще не поздно.

Надя усмехнулась:

– Уже слишком поздно.

Словно подтверждая ее слова, колокола оборвались на пронзительной ноте. Монастырь погрузился в тишину, если не считать пушечного грохота, доносившегося от подножия

горы.

Если падет Рудня, враги тут же доберутся до монастыря. Город у самых гор был хорошо укреплен, но они находились в центре Калязина, и никто не ожидал, что война заберется так далеко на запад. Предполагалось, что войско остановит вторжение на востоке, недалеко от границы с Аколой.

Вверх по твердой глыбе во все стороны поползла трещина, напоминающая паутину. Она вырисовывала замысловатый узор, пока лед не разлетелся на маленькие осколки. Костя тут же потащил Надю во двор.

– У нас есть преимущество в высоте, – пробормотала она. Надя сжала ворьен. У нее был только один кинжал.

«У нас всех есть преимущество в высоте».

Воздух задрожал, и ей показалось, будто в затылок воткнули что-то острое.

«Магия крови», – прошипела Марженя.

Сердце Нади застучало в горле, а по спине заскользили ледяные усики сомнений. Она почувствовала, как по телу побежали мурашки, и, не раздумывая, оттолкнула Костю в сторону за мгновение до взрыва в том самом месте, где он только что стоял. Твердый кусок льда врезался ей в спину, отчего боль растеклась до самых пальцев ног. Надю отшвырнуло на Костю, и они вместе рухнули на землю.

Юноша тут же вскочил на ноги, пока Надя все еще пыталась понять, что же произошло. Воины начали взбираться по лестнице, и двор наполнился магией и сталью. Вскочив на

ноги, она постаралась держаться рядом с Костей. Его кинжал двигался с головокружительной скоростью, защищая ее от транавийских солдат.

Дети из раздираемой войной страны прекрасно знали, как защищаться, если враг доберется до их порога. Но Костя и Надя совершенствовали свои умения. Она быстрая, он сильный, и они были готовы на все, чтобы защитить друг друга. Если только она сможет совладать со своими нервами. Руки и ноги девушки тряслись, словно в теле оказалось намного больше чар, чем она привыкла.

«Что же мне делать?»

Панические молитвы богам принесли бы новые потоки божественного благословения, поэтому Наде предстояло самой решить, как их использовать.

Она провела рукой по ворьену, и от ее прикосновения тот засветился чистейшим белым светом. Надя не осознавала, зачем это сделала, пока не порезала транавийского воина. Клинок вскользь задел его руку, но от света кожа вокруг раны тут же почернела. Эта чернота поползла вверх, через мгновение достигла глаз, и транавиец упал замертво. Отшатнувшись, Надя налетела на Костю. Ей тут же захотелось отбросить ворьен в сторону.

«Я убила его. Я никогда никого не убивала».

Костя коснулся ее руки.

«Не останавливайся», – настаивала Марженя.

Воздух тонул в огромном количестве магии, а Надя была

всего лишь обычным клириком. Еще с мгновение ею владел страх, но тут Маржениа опалила ее затылок резкой, острой болью.

«Не останавливайся».

Холод окутал пальцы Нади, и она, нырнув под кинжал транзакции, ударила его ледяной рукой в грудь. Как и в прошлый раз, чернота расплзлась от раны вверх по шее на лицо, и воин тут же упал.

У Нади сжалось сердце. Ее чуть не стошнило, но быстро привело в себя отвращение, которое выказала Маржениа при виде слабости девушки. Здесь не было места для столь неуместных чувств. Это была война. И смерть просто неминуема. Неизбежна.

«Надежда!» – окликнула Маржениа, но предупреждение запоздало.

Пламя охватило девушку, облизало кожу и вскипятило кровь. От боли почернело в глазах. Надя пошатнулась, и Костя, отделавшись от противника, тут же подхватил ее, пока она не упала на колени в тени дверного проема храма. Она стиснула зубы и прикусила губу, пока рот наполнялся кровью с ярким металлическим привкусом. Ей с трудом удавалось вдохнуть. Казалось, словно ее сжигали заживо изнутри.

Но, когда Надя решила, что больше не выдержит, в ее мысли ворвался Вещеслав и укутал плотным одеялом. Он утихомирил и оттолкнул магию, пока девушка не пришла в себя. Она не взывала к нему, бог просто знал, что ей необ-

ходима помощь.

Только у нее не было времени восхищаться вездесущностью богов. Надя с трудом поднялась на ноги. Мир угрожающе вращался перед глазами, но она не обращала на это внимания. Что бы с ней ни произошло, это исходило от могущественного мага. Она осмотрела двор, и некогда кипевшая кровь застыла в венах, стоило ее взгляду наткнуться на него.

Ох, она совершила ужасную ошибку.

«Надо было спрятаться».

В тридцати шагах от них, у входа во двор, стоял транавиец с зажатым в кулаке окровавленным листком бумаги. Его левый глаз пересекал ужасный шрам. Он начинался у виска и заканчивался у переносицы. Воин наблюдал за происходящим с легкой усмешкой на лице. Наде не понадобилось смотреть на красные эполеты и золотую тесьму на мундире, чтобы его узнать.

В монастыре часто обсуждали Верховного принца Транавии. Парень стал генералом всего через полгода после того, как в шестнадцать лет отправился на фронт. Один из тех, кто воспользовался войной, чтобы напитать свою и без того ужасающую магию крови. Чудовище.

Все сомнения, которые Надя отбросила в сторону, вновь навалились на нее. Она не верила в реальность происходящего, не верила, что перед ней Верховный принц, не верила, что это он.

Воин был молод, всего на несколько лет старше Нади, с

невероятно светлыми глазами. Словно почувствовав девушку, он повернулся и встретился с Надей взглядом. Его губы изогнулись в кривой ухмылке, когда он заметил чары, окутывавшие светом ее ладони.

Надя тут же разразилась потоком проклятий.

«Мне нужно... мне нужно что-то могущественное, – отчаянно взмолилась она. – Он придет за мной. Он смотрит прямо на меня».

«Ты можешь задеть верующих», – ответила Маржена.

Мир вновь поплыл перед глазами, а по краям появились черные пятна. Во дворе творился полный кошмар. Брызги крови алели на снегу, тела тех, с кем Надя жила, работала и молилась, падали с глухим стуком на камни. Это была настоящая бойня, которая произошла по ее вине. Транавийцы пришли сюда за ней. И все эти люди погибли, защищая ее. Но стоило ли оно того?

Принц направился к Наде, и паника заглушила все ее мысли. Если он доберется до нее, что ему даст ее кровь? Что он сможет сотворить с помощью ее чар? В монастырь проникло множество транавийцев, и их окружало невероятное количество магии, с помощью которой они собирались убить всех, кого она знала.

Костя оттолкнул ее в тень. Ее чары растворились, как только она ударилась спиной о дверь.

– Надя, – с отчаянным взором оглядываясь через плечо, прошептал он.

Принц еще не подошел к ним, но вряд ли находился далеко. Времени не осталось. Это был конец. Костя заправил прядь волос ей за ухо.

– Ты должна уходить, Надя. Убегай.

Она в ужасе уставилась на него. Убежать? Он предлагал ей спрятаться в укромном месте после того, как все, кого она любила, погибли? Кем Надя будет, если убежит? Монастырь был ее единственным домом.

– Тебе надо уходить, – сказал Костя. – Если ты сдашься, то война будет проиграна. Ты должна жить, Надя.

– Кос...

Ее лба коснулись его теплые губы, а в руку скользнуло что-то холодное и металлическое.

– Ты должна жить, – хриплым голосом повторил он, а затем отвернулся и окликнул Анну.

Надя, не глядя, опустила в карман то, что он ей дал.

Анна отбивалась от напавших в нескольких шагах от них, а у ее ног лежали тела поверженных врагов. Услышав свое имя, она тут же вскинула голову. Костя кивнул в сторону Нади, и лицо Анны озарилось пониманием.

Костя вновь посмотрел на Надю, и в его глазах отразилось то, чего она никогда раньше не видела. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут резко дернулся вперед, а его колени подогнулись. Из его ноги торчала арбалетная стрела.

– Костя! – воскликнула Надя.

– Надо уходить, Надя.

Анна схватила девушку за руку и потащила по тропинке, ведущей к кладбищу.

«Я не могу оставить Костю».

Юношу, который при первой встрече с серьезным лицом слушал о ее необычном даре, а потом пошутил, что она обречена жить праведной жизнью, иначе боги тут же обо всем узнают. Юношу, который не обращал внимания на ее статус святой и подговаривал на всякие шалости и проделки. Юношу, который делился с ней яблоками во время молитв. Юношу, который стал ее другом, ее семьей.

Превозмогая боль, Костя махнул рукой, чтобы они уходили. Надя пыталась вырваться из рук Анны, но та оказалась сильнее. «Только не Костя». Она уже потеряла все и не собиралась терять еще и его.

«Я не променяю свою безопасность на его жизнь».

Ее горло сжалось от слез:

– Я не оставлю его!

– Надя, ты должна это сделать.

Она снова попыталась вырваться, упираясь ногами в землю. Но Анна уже дотащила ее до склепа и пинком открыла дверь. Вот только перед тем, как оказаться под его сводами, Надя увидела, как содрогнулось тело Кости, когда в него вонзилась еще одна стрела.

Надежда Лаптева

Когда верующие обращались к богу защиты, прося о спасении от орды с севера, они ожидали его благословения, но были убиты в последовавшей за этим войне. Им не стоило забывать, что Вещеслав также был богом войны, а железо закаляется в бою.

Писание богов, 4:114

Анна протиснулась внутрь, а затем захлопнула и заперла дверь. Надя попыталась остановить ее – Костя умрет, если ему не помочь, – но женщина преградила ей путь.

– Надя, – тихо взмолилась Анна, и о чем она умолчала, прозвучало в ее голосе.

Все понимали, что такое возможно. Да и сама Надя знала, что ее друзья готовы отдать за нее жизнь. И единственное, что она могла сейчас сделать, – убедиться, что их смерть была не напрасна. Оплакивать потерю можно позже, главное сейчас – это выжить.

Сжав кулаки, Надя отвернулась от двери. Перед ней оказалась лестница, уходящая в темноту. Она споткнулась на первой ступеньке и едва не отправилась пересчитывать их

собственным телом, но Анна ухватила ее за руку. И оказалось, что монахиня дрожит.

– Можешь добыть нам немного света? – спросила Анна, и в ее голосе слышались едва сдерживаемые рыдания.

Темнота давила, но тишина еще сильнее лишала самообладания. Снаружи шло сражение, но они ничего не слышали. Ни лязга металла, ни криков людей. Совершенно ничего.

Надя легко могла раздобыть свет. Она перебрала бусины на четках и нащупала выгравированное пламя свечи, символизирующее Звонимиру, богиню света. А затем вознесла небольшую молитву, скорее даже просьбу о том, что не связано со спасением их жизней.

Шепот сорвался с губ Нади, когда она обратилась к Звонимире на священном языке. Ее руки тут же окутало белым сиянием. Соединив кончики пальцев, она образовала шар света, который завращался в воздухе, осветив все пространство вокруг.

– Goldzhin dem, – тихо выругалась Анна и начала спускаться по ступенькам.

Наде ничего не оставалось делать, как последовать за ней. Ее лучший друг скорее всего уже мертв. Место, в котором она прожила всю жизнь, уничтожено. И каждый раз, стоило ей прикрыть глаза, как тут же вспыхивала равнодушная улыбка Верховного принца. Она никогда больше не почувствует себя в безопасности.

«Я бы с радостью променяла это на месяцы чистки карто-

феля».

Надя не знала, уцелел ли хоть один из близлежащих военных лагерей или все их снесли транавийцы, пока пробирались в глубь страны. Если ей удастся добраться до стольного града Комязалова и Серебряного двора, то у них еще останутся какие-то надежды. Но, зная, что по пятам шел Верховный принц, она сомневалась, что это получится.

Изначально планировалось, что ее существование останется в секрете еще на год, который Надя должна была провести в Святых горах, обучаясь у монахов. Они хоть и не владели чарами, но понимали основные принципы общения с богами. И могли научить обычную крестьянскую девушку, как спасти Калязин от факелов еретиков. Но войну не интересовали тщательно продуманные планы.

И сейчас, потеряв все, Надя просто не знала, что ей делать. Ее сердце заныло, а перед глазами то и дело всплывало, как содрогнулся Костя, когда его пронзил арбалетный болт.

Спустившись по лестнице, Анна завернула в длинный сырой туннель. Кажется, здесь никто не ходил уже несколько десятилетий. Они еще несколько минут шли в тишине, пока монахиня не остановилась перед старой деревянной дверью в стене. Анне пришлось толкнуть ее плечом несколько раз, прежде чем та наконец открылась с болезненным стоном. На их головы тут же посыпалась пыль, которая на черном платке Анны смотрелась как снег. Внутри оказалась кладовая, заполненная вешалками с дорожной одеждой, стойками с ору-

жием и полками с законсервированной едой.

— Отец Алексей надеялся, что нам никогда не пригодятся эти вещи, — с тоской сказала Анна.

А затем бросила Наде теплую фиолетовую тунику и темно-коричневые брюки. Надя тут же натянула их поверх своей одежды, после чего надела черное толстое шерстяное пальто и меховую шапку. Монахиня тоже утеплилась, а через мгновение двинулась к оружию. Она передала Наде два богато украшенных ворьена. Задумавшись на мгновение, она молча протянула третий, а потом четвертый.

— Ты все время их теряешь, — объяснила она.

Это была чистая правда. Надя пристегнула два клинка к поясу, а вторую пару сунула в сапоги. По крайней мере, когда принц поймает ее, у нее будет оружие. Анна вытащила из оружейной стойки веньорник — длинный однолезвийный кинжал — и пристегнула к бедру.

— Этого нам хватит, — сказала она и, подхватив два пустых рюкзака, начала аккуратно складывать в них еду. — Привяжи эти спальные мешки и палатку к рюкзакам.

Вся кладовая содрогнулась, а от двери донесся оглушительный грохот. Удивленно вскрикнув, Надя высунула голову в коридор. Там ее ждала лишь темнота. Анна одним движением скинула еду с полки в рюкзак.

Надю охватила паника. Туннель был не очень длинным. Транавийцы могли добраться до них в любой момент.

Анна закинула на плечо один из рюкзаков и вышла из кла-

довой. Надя двинулась за ней и тут же почувствовала опасность, которая прилетела вместе со словами на непонятном языке от входа в склеп.

Но, даже не понимая их значения, она узнала голос. Это был принц. Что не удивляло. Вот только против него ей долго не продержаться.

Поэтому она побежала со всех ног за Анной. Девушке оставалось только надеяться, что монахиня знала изгибы и повороты туннеля, а еще верить, что он не приведет их прямо в руки транавийцев.

Позади них, шипя, от стен отражалась магия. Что-то обжигающее коснулось Надиного уха, а затем врезалось в изгиб туннеля и осыпалось дождем искр. Принц подобрался близко, очень близко.

– *Tek szaleł wylkiesz!* – Крик эхом разнесся по туннелю, но в нем не слышалось ни капли злости.

Скорее веселье. Так что неудивительно, что следом раздался громкий язвительный смех.

Надя замедлилась и оглянулась. В темноте зародился какой-то хлопающий звук. Он медленно усилился и разбился на множество маленьких хлопков. Множество приближающихся хлопков. Надя прищурилась. Тысячи маленьких крыльев.

Анна потянула девушку вниз как раз в тот момент, когда кишущая масса летучих мышей ворвалась в тесное пространство туннеля.

Шар света тут же развеялся, погрузив их в живую, движущуюся тьму. Летучие мыши хватали беглянок за волосы и царапали кожу. Надя на ощупь шла за Анной, сжимая ее руку, как единственную соломинку в этой ожившей темноте, которая поглотила их заживо.

Они оказались в водовороте крыльев и когтей, пока Анна наконец не хлопнула дверью и девушки вместе с летучими мышами не вывалились на снег. Как только темнота сменилась светом угасающего солнца, их маленькие преследователи быстро растворились в клубах дыма. Надя вскочила на ноги и помогла Анне подняться. А затем уставилась на зияющее черное отверстие, так сильно выделяющееся на фоне горного склона, покрытого ослепительным белым снегом.

– Нужно уходить отсюда, – сказала Надя, отступая от входа в туннель.

Не дождавшись ответа, она посмотрела на Анну. Та тоже не сводила глаз с открытой двери. Но транавийцы не объявлялись.

«Мы погибнем, если не уберемся отсюда». Надя подняла руку и, перебрав четки на шее, сжала в пальцах одну из бусин. Как только она послала короткую молитву Божидарке, богине видения, перед ее глазами тут же возник яркий образ. Принц стоял, прислонившись к каменной стене и скрестив руки на груди, с мерзкой улыбкой на лице. Рядом с ним, глядя на вход в туннель, находилась невысокая девушка с черными волосами, подстриженными до подбородка, и с повяз-

кой на глазу, усыпанной шипами.

Надя помотала головой, и видение развеялось. От затраченных усилий у нее закружилась голова, а перед глазами все расплывалось в одно снежно-белое пятно. Она покачнулась, но тут же выровнялась с тяжелым вздохом. Транавийцы не пошли за ними. Она не понимала почему, но не сомневалась, что они скоро их нагонят.

– Мы пока в безопасности, – устало сказала Надя.

Больше никаких чар.

Пока не поспит.

– Не понимаю, почему они не пошли за нами? – пробормотала Анна.

Надя пожала плечами и обвела взглядом грозный горный склон. Снег лежал намного выше, а там, где они стояли, росли редкие деревья. Когда транавийцы надумают выйти из туннеля, им будет негде укрыться.

Анна ахнула, и Надя обернулась. Она морально готовилась к этому, но, когда ее взгляд поднялся к вершине горы, от увиденного все равно скрутило живот.

От монастыря в небо тянулись черные клубы дыма, словно хотели поглотить его. У Нади подогнулись колени, и она упала в снег.

Костя погиб.

Все уничтожено. И теперь там, где находилось сердце, зияла пустота, которая полностью высасывала все ее эмоции. Она лишилась всего.

Надя сцепила кулаки, так что ногти впились в ладонь. Этот резкий укол боли помог прочистить мысли, а затем де-вушка сморгнула слезы. Они ничем не помогут. И как бы ей ни хотелось, но времени горевать не было. Им не выиграть эту войну. Транавийцы все заберут у них и сотрут Калязин с лица земли. Соппротивление бесполезно.

Почему боги не остановили это? Надя отказывалась верить, что все происходило по их воле. Они не могли этого хотеть.

Надя вздрогнула, когда Анна взяла ее за руку.

– «Железо закаляется в бою», – процитировала Писание Анна. – Мы не знаем всех замыслов богов.

А их замыслы не всегда были добрыми и справедливыми.

В этот момент Надю, словно плащ, окутало теплое присутствие Маржени, но богиня не заговорила с ней. И Надя была благодарна за ее молчание. Сейчас любые слова прозвучали бы неискренне для ее смертных ушей.

Но она понимала, что если сдаться сейчас, то смерть всех, кто жил в монастыре, окажется напрасной. А Надя не соби-ралась этого допускать. Порывшись в кармане, она вытащи-ла маленький кулон на тонкой серебряной цепочке. На нем оказалось множество спиралей, которые переплетались друг с другом и исчезали в центре. Надя никогда не видела ничего подобного раньше, хотя знала символ каждого из богов.

Что же тогда отдал ей Костя?

– Ты знаешь, что это за символ?

Прищурившись, Анна взяла кулон, но затем медленно покачала головой и вернула его обратно.

Надя надела цепочку через голову, и прохладный металл коснулся ее кожи под одеждой. Ее не волновало, что это такое, потому что для нее имело значение только то, что его отдал ей Костя. В тот момент он посмотрел на нее с невероятной тоской в глазах, а затем поцеловал в лоб и пожертвовал собой, чтобы она могла убежать.

Это было несправедливо. Война несправедлива.

Надя отвернулась от горящего монастыря. Она сбежит, чтобы Костина смерть не стала напрасной. И пока это единственное, что она могла сделать.

Правда, им с Анной придется идти всю ночь, чтобы убраться подальше от транавийцев.

– Нужно дойти до Твира, – сказала Анна.

Натянув шапку на уши, Надя нахмурилась. Твир находился на востоке. А еще в той стороне Транавия и линия фронта.

– Может, лучше отправиться в Казатов?

Анна стянула платок с волос, а затем поправила ленту на голове и кольца, которые свисали у виска.

– Мы должны добраться до ближайшего лагеря, а до Казатова добираться слишком далеко, и при этом придется идти на север. Сейчас самое главное – твоя безопасность. Царь оторвет нам головы, если с тобой что-то случится.

– Ну, транавийцы и так уже поотрывали головы всем, кто жил в монастыре.

Анна поморщилась и посмотрела на нее с болью в глазах.

– Генерал Головин решит, что нам дальше делать, – помедлив, сказала она.

Наде не очень понравилась эта идея. Ей не хотелось, чтобы ее постоянно перевозили с одного безопасного места в другое, пока остальные умирали вместо нее. Она должна сражаться. Но если в Тви́ре находился ближайший лагерь, то им следовало отправиться туда.

В продолговатых темных глазах Анны плескалось сочувствие. А затем она оглянулась через плечо, и на ее лице вновь отразилась боль. Надя не стала оборачиваться, чтобы это не сломило ее окончательно. Она уже видела достаточно разрушений.

– Давай сначала найдем, где укрыться, хорошо? Неподалеку отсюда есть заброшенная церковь. Мы доберемся до нее примерно за день, а там уже решим, что делать дальше.

Надя устало кивнула. У нее совершенно не осталось сил, чтобы спорить или бояться оказаться в плену у единственного человека, который никогда не должен был добраться до нее или вообще знать о ее существовании.

Поэтому сейчас она лишь переставляла ноги, старалась не замечать холод и молилась. По крайней мере последнее у нее очень хорошо получалось.

Серефин Мелески

Святов Илья Голубкин:

«Илья, рожденный в семье крестьянина, с детства страдал от недуга, который мешал ему ходить. Клирик, воззвав к Збигнеуске, излечил его и наделил сверхчеловеческими силами, после чего Илья стал воином-монахом. А через года в одиночку защитил Коровград от захватчиков с моря».

Житие святых Васильева

Серефин Мелески прислонился ко входу в туннель и, прищурившись, всматривался в темноту. Солнце почти село, но его последние лучи все так же ослепляли его, лишая и без того – по общему признанию – ужасного зрения.

– Неужели ты позволишь им сбежать? – возмутилась Остия.

Не утруждаясь ответом, Серефин протянул руку к бедру, поднял книгу заклинаний, которая висела там привязанная к ремню, и открыл ее. Он пролистал несколько страниц, вырвал одну из них, а затем выронил книгу и протянул раскрытую руку Остии.

Сузив глаза, девушка покосилась на нож в своей руке. Так

же молча она обхватила запястье юноши и провела лезвием по его ладони.

– Не его руку, – запротестовал Кацпер, который стоял, прислонившись к противоположной стене туннеля.

Проигнорировав и его, Серефин поднял руку. Кровь засочилась из пореза и медленно стекла по руке. Ладонь саднило, но прилив магии, который должен был за этим последовать, стирал любую незначительную боль. Он положил страницу из книги на окровавленную руку и подождал, пока бумага впитает кровь. Как только страницу окутали темные завитки дыма, по венам тут же заструилась магия, его зрение обострилось, а на снегу высветилась ярко-красная полоса, показывая путь к сбежавшему клирику.

На лице Серефина появилась улыбка:

– Пусть бежит.

– Зачем ты привязал себя к ней этим заклинанием? – спросила Остия.

– Она ничего не почувствовала. К тому же это не привязка, а просто след.

Теперь она могла убежать хоть на край света, и он все равно сможет выследить ее, если будет время от времени подпитывать заклинание своей кровью. А это было очень легко сделать.

– Смело, – заметил Кацпер.

Серефин бросил на него ироничный взгляд.

– Даже если она почувствовала заклинание, то все равно

не сможет его сломать.

– Ты ничего не знаешь о магии, которую она использовала, так с чего ты решил, что она ничего не заметила?

Серефин нахмурился. Кацпер был прав, но он не собирался признаваться в этом.

– Пусть люди отыщут и схватят тех, кто выжил, – сказал он Остии.

Она кивнула и скрылась в туннеле.

Кацпер посмотрел ей вслед. Рукав его сюртука почти оторвали во время сражения, и теперь тот вместе с эполетом золотого цвета держался всего на нескольких ниточках. Подняв смуглую руку, он провел пальцами по темным кудрям и удивился, что они слиплись от крови.

– Почему ты не отправился за ней? Мы же искали доказательства существования кровавого клирика целую вечность и наконец нашли ее саму.

– Ты хочешь бродить по Калязину в темноте? – спросил Серефин.

Их полк не понаслышке знал, сколько смертельных опасностей таится здесь для тех, кто не знаком с местностью. Кроме того, Серефин плохо видел даже в солнечный день, что ж было говорить о сумерках. В темных глазах Кацпера вспыхнуло понимание, и он кивнул.

Серефин провел на фронте в Калязине почти три года и за это время лишь изредка возвращался домой. За это время ему уже стало казаться, что зима не закончится никогда. В

этой стране даже в оттепель было все так же холодно. Только снег, мороз и леса. Последние пять месяцев Серефин со своим полком выискивал доказательства существования магии в Калязине. Его отец постоянно твердил об этом и требовал, чтобы Серефин отыскал клириков. Они могли переломить ход войны в пользу Калязина, а этого нельзя было допустить, особенно теперь, когда они нанесли решительный удар. Несколько недель назад транавийцы захватили город Волдога, который являлся жизненно важным форпостом врага. И это стало первым шагом к тому, чтобы наконец-то одержать верх в этой бесконечной войне.

– Если повезет, она приведет нас к своим войскам, – сказал Серефин, а затем повернулся и направился в тоннель, но остановился.

Рассеянно проведя рукой по шраму, пересекавшему его глаз, он обернулся к Кацперу:

– Зажжешь свет?

Эти слова прозвучали так высокомерно, что становилось понятно – это приказ, а не просьба. В любое другое время он бы сказал их более мягко, но сейчас его охватила такая дикая усталость, что на это просто не осталось сил.

– Да, прости.

Кацпер нащупал упавший на землю факел и снова зажег его.

Они прошли мимо кладовки, где прятались монахини, но там сейчас копался генерал-лейтенант Серефина, Теодор

Кижек.

– Доложи моему отцу о сегодняшних событиях, – сказал Серефин.

Он не стал упоминать о клирике. Пусть отец думает, что она сбежала. И уж тем более ему не следовало знать, что Серефин отпустил ее.

– Слушаюсь, ваше высочество.

– Вы уже посчитали, сколько калязинцев выжило?

– По моим оценкам, около десятка, – ответил Теодор.

Серефин тихо хмыкнул. Ему предстояло решить, что делать с пленниками, а ему не особо это нравилось.

– Вы выяснили, была ли та девушка единственным клириком среди них? – Он не верил, что ему так повезет, но мечтать же не вредно.

– Если и есть кто-то еще, то они пока никак не проявили своих способностей, – сказал Теодор.

– Может, их удастся убедить поговорить с нами? – задумчиво произнес Кацпер, и в его темных глазах заискрилось предвкушение.

Серефин обладал прекрасной способностью убеждать других людей.

Он коротко кивнул. Действительно, почему бы не убедить их?

– Мы останемся здесь на ночь. – Он заглянул в кладовую, в которой оставалось еще множество вещей после набега калязинских девчонок. – И заберите все отсюда, – махнув ру-

кой, продолжил Серефин.

Он проследит, куда побежит девушка-клирик, и, возможно, узнает что-то интересное. Это казалось полезной тратой времени, пока он дожидается ответа отца.

– Слушаюсь, ваше высочество, – ответил Теодор.

Серефин отослал генерал-лейтенанта взмахом руки и продолжил путь.

– Почему ты до сих пор не отослал его на линию фронта? – спросил Кацпер.

Серефин взглянул на Кацпера, идущего слева от него. Тот тут же отстал на шаг и продолжил свой путь по другую руку Серефина.

– Как думаешь, что сделает отец, если я избавлюсь от шпиона?

Кацпер поморщился:

– Ну, по крайней мере стоит нам поймать девушку-клирика, мы тут же отправимся домой. У короля больше не останется причин держать нас здесь.

Серефин провел пальцами по своим каштановым волосам, которые уже давно нуждались в стрижке. Он устал – нет, не устал, а полностью вымотался. Конечно, ему повезло, что он отыскал девушку-клирика, но это не меняло того факта, что Серефин уже несколько лет провел на вражеской земле и при этом пугался даже мысли о том, чтобы вернуться домой. Война – все, что он знал на текущий момент.

До кладбища они шли в молчании. Их все еще удивляло,

насколько большим оказался монастырь и как тщательно его охраняли. Они вышли во двор и увидели Остию, которая наблюдала за пленниками. Серефин отправил Кацпера на поиски подходящего для ночлега места, хотя и сомневался, что тот найдет что-то получше каменной плиты и потрепанного одеяла в этой мрачной тюрьме. Почему монахи настолько аскетичны? Нет ничего плохого в том, чтобы спать на мягких перинах. Но он с радостью выберет каменную плиту и потертое одеяло вместо еще одной ночевки на снегу.

Остия подергала повязку на глазу, а потом вовсе стянула ее с головы и засунула в карман. Неровный, уродливый шрам пересекал ее лицо, привлекая излишнее внимание к пустой глазнице на месте левого глаза.

Когда Серефин и Остия были детьми, калязинские наемные убийцы проникли во дворец, притворившись мастерами оружия, которые желали передать свои умения юному принцу и дочери дворянина. И первый удар они нанесли по глазам. Кто знал, может, ослепление детей врага перед смертью имело какое-то религиозное значение.

Остия редко прикрывала шрамы повязкой. Ей нравилось выглядеть устрашающе, и она часто говорила, что лучше будет носить повязку на море, куда отправится, если война когда-нибудь закончится.

– Она истончилась, – заметила Остия, покосившись на книгу с заклинаниями, которая покачивалась на бедре Серефина.

Вздохнув, он кивнул, а затем поднял книгу и начал перелистывать ее. Заклинания заканчивались.

– Что-то мне подсказывает, что мы не найдем переплетчика в сердце Калязина.

– Думаю, нет, – согласилась Остия. – Но даже если бы нам это удалось, – в ее голосе послышались дразнящие нотки, – он бы точно оказался и вполровину не так хорош, как мадам Петра.

Серефин содрогнулся, вспомнив властную пожилую женщину, которая сшивала все его книги заклинаний. Он никак не мог понять, как она к нему относилась. То ли как к давно погибшему сыну, то ли как к любовнику. И его пугало, что он не ощущал разницы.

– Ты не взяла одну про запас?

– Я использовала уже все, что брала с собой.

И это означало, что он мог застрять в центре вражеской страны без книги заклинаний.

– Ну, если понадобится, можешь забрать книгу у кого-нибудь из магов низшего ранга, – сказала Остия.

– И оставить их без защиты? – Серефин поднял бровь. – Остия, я бессердечный, но не жестокий. Мне хватит и одного клинка, чтобы разделаться с врагами.

– Ну конечно, и при этом мне придется тратить все свои силы на твою охрану.

Он злобно покосился на нее. А Остия в ответ нахально улынулась.

– Прошу простить мою дерзость, ваше высочество, – сказала она.

Серефин на это лишь закатил глаза.

Закончив препирательства, они разделили пленников на маленькие группы и разместили их в разных, похожих на камеры спальнях. Серефин, прищурившись, посмотрел на юношу, примерно своего возраста, который висел на плече пожилого мужчины.

– Вытащи отсюда этого. – Серефин указал на них Остии. – Я хочу допросить его.

Ее лицо просияло:

– Юношу?

– Не о том подумала. У него же из ноги торчит арбалетная стрела. Вытащи старика. С юношей я поговорю позже.

Ее лицо вытянулось.

– Простит ли меня ваше высочество, если я скажу, что с ним будет не так весело.

– Не простит.

Остия велела привести к ним пожилого мужчину. Скорее всего он занимал должность настоятеля монастыря. У него было какое-то звание? Серефин сомневался.

– Ты обучаешь своих людей сражаться? – вежливо спросил он, положив руку на истончившуюся книгу заклинаний. Но не дав мужчине ответить, он поднял руку и продолжил: – Простите, я забыл представиться. Меня зовут Серефин Мелески, Верховный принц Транавии.

– Отец Алексей, – сказал мужчина. – И да, даже те, кого не призвали в армию, учатся защищаться. Вам не кажется, что это просто необходимо?

Возможно, это стало необходимостью для жителей Калязина, ведь война никогда не добиралась до границ Транавии. Но как бы там ни было, Серефина очень удивило, как вежливо разговаривал с ним старик.

– Религиозная война, бушующая почти столетие, требует крайних мер, – продолжил Алексей.

– Да, да, мы – мерзкие еретики, которых нужно искоренить с лица земли, а вы лишь выполняете волю богов, – сказал Серефин.

– Истинная правда, – пожав плечами, ответил монах.

Остия бросила напряженный взгляд на Серефина. Но тот лишь засунул руки в карманы и улыбнулся старику:

– Но разве вы не используете магию? Скажите, сколько ваших магов – как вы их называете, клириками? – скрывается в Калязине? Мы знаем о девушке, что жила здесь, так что не пытайтесь ее защитить. Она еще до конца дня окажется в наших руках.

Старый монах улыбнулся:

– Да, мы зовем их клириками. И я не знаю ответа на ваш вопрос, принц.

Серефин нахмурился. Он рассчитывал, что этот человек будет разговаривать с ним свысока и ему удастся вызвать его праведный гнев, но ничего подобного не происходило.

Поэтому он решил не давить сейчас на священника. Именно парень с арбалетной стрелой защитил девушку-клирика и помог ей сбежать. С ним и надо будет поговорить.

Серефин приказал солдату увести старика.

– Хочешь допросить кого-то еще? – спросила Остия.

– Нет.

Серефин отыскал взглядом Кацпера, который разговаривал с одним из магов, и подозвал его к себе.

– Религиозные люди же пьют вино?

Остия пожала плечами.

– В погребе есть бочки, – ответил Кацпер.

– Идеально, – кивнул Серефин. – Очень надеюсь, что к утру я напьюсь.

Надежда Лаптева

*Хорз украл звезды и небеса у Миесты, за что
она его так и не простила. Ибо где могла отдыхать
луна, кроме небесного свода?
Писание богов, 5:26*

«Это ты выбрала дитя, которое спит так крепко. И если она умрет, даже не вздумай винить в этом кого-то, кроме себя».

Надя ненавидела просыпаться от перепалки богов, но все же, не задумываясь, вскочила на ноги в темноте. Ее глазам понадобилось несколько секунд, чтобы угнаться за телом.

«Заткнитесь!»

Наверное, не стоило приказывать богам подобное, но слово не воробей. Ее тут же охватило чувство презрения вперемишку с весельем, но ни один из богов больше не произнес ни звука. Она поняла, что ее разбудил Хорз, бог небес и звезд. Он всегда был несносным, но не часто доставал Надю.

Обычно клирик мог общаться только с одним, выбравшим его богом. Когда-то жила клирик Ксения Мирохина, которая обладала неестественной меткостью Девони, богини охоты.

Вещеслав тоже выбирал себе клирика, но его имя уже давно никто не помнил, а сам бог отказывался об этом говорить. В летописях никогда не упоминались клирики, которые слышали нескольких богов. Поэтому то, что Надя общалась со всем пантеоном, было невероятной редкостью, которую монахи, обучавшие ее, никак не могли объяснить.

Возможно, существовали более древние, изначальные боги, которые давным-давно отказались от мира и оставили его на попечение других. Но никто не знал этого наверняка. Сейчас люди поклонялись двадцати богам, которых изображали на рисунках и вырезали из дерева, хотя никто не знал, как они выглядели на самом деле. Ни один из клириков за всю историю не видел их лика. Ни мученики, ни монахи.

Каждый из богов обладал своими силами и чарами, которыми они иногда одаривали Надю, хотя она была близка не со всеми. Например, ей никогда не доводилось разговаривать с Миестой, богиней луны. И Надя даже не знала, какой силой она бы наделила при желании.

Но даже общаясь со множеством богов, Надя никогда не забывала, кто именно выбрал для нее эту судьбу: Марженя, богиня смерти и чародейства, которая ожидала от нее безоговорочной преданности.

Сквозь темноту до нее донеслись тихие голоса. Они с Анной нашли укромное место в густой сосновой роще, где и разбили палатку, но теперь здесь стало небезопасно. Надя обхватила рукой свой ворьен и пихнула Анну, чтобы та

проснулась.

Пробравшись к выходу из палатки, девушка сжала в руках четки и вознесла короткую молитву, которая слетела окутанными дымом символами с ее губ. Вдалеке виднелись неясные очертания фигур. Но в темноте было трудно определить, сколько их. Две? Пять? Десять? Ее сердце сильнее забилося в груди при мысли о том, что за ними отправился отряд транавийцев.

Анна замерла рядом. Надя поудобнее перехватила ворьен в руке, но не двинулась с места. Если их палатку еще не заметили, она могла бы скрыть ее от их глаз.

Только Надя собралась это сделать, как Анна схватила ее за руку.

– Подожди, – выпуская со словами облачко пара, прошептала она. А затем указала на темное пятно сбоку от группы.

Надя прижала большой палец к бусине Божидарки, и ее зрение стало таким четким, словно на улице стоял ясный день. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы прогнать парализующий страх, когда она разглядела транавийские мундиры и поняла, что ее опасения подтвердились. Но это был не целый батальон. Да и выглядели солдаты довольно потрепанными. Возможно, они отстали от своего полка и заблудились.

А затем ее внимание привлек парень с арбалетом, который молча целился в самое сердце отряда.

– Давай уберемся отсюда, пока нас не заметили, – сказала

Анна.

Надя согласилась и уже почти дотянулась до ножен, чтобы засунуть в них ворьен, но тут парень выстрелил и лес окутал хаос. А она не собиралась отдавать жизнь невинного человека в угоду собственной трусости. Снова.

Не слушая возмущения Анны, Надя сжала бусину Хорза с изображением созвездия и мысленно вознесла молитву. Как только символы слетели с ее губ мерцающей дымкой, все звезды на небе погасли.

«Да уж, не этого я ожидала, – поморщившись, подумала она. – Следовало догадаться, что не стоит просить о чем-то Хорза».

Как только мир погрузился в темноту, до нее донеслись тихие проклятия. А затем раздраженный вздох Анны.

– Просто держись подальше оттуда, – прошипела Надя, уверенно шагая к врагам в темноте.

– Надя... – еле слышно простонала Анна.

Сконцентрировавшись, Надя отправила третью молитву Божетьяху. Даже в хорошие дни бог скорости всегда медлил с ответом. Но ей удалось привлечь его внимание и получить заклинание, позволившее двигаться так же быстро, как злобный калязинский ветер.

Теперь она смогла точно рассмотреть врагов: в лес вбежали шестеро транавийцев. Парень опустил арбалет и недоуменно посмотрел на небо. А когда Надя коснулась его плеча, вздрогнул от неожиданности.

В отличие от нее он ничего не видел в опустившейся мгле. Поэтому, когда он обернулся, сжимая изогнутый меч в руке, Надя отступила в сторону. Парень замахнулся, и она толкнула его в сторону бегущего транавийца, отчего тот насадился на лезвие.

«Упокой их, – зашипела Марженя. – *Убей их всех*».

«Слушаю и повинуюсь».

Надя приблизилась к одному из врагов и вонзила ворьен ему в голову прямо под ухом.

«В этот раз убить оказалось не так уж трудно», – подумала она. Но сейчас было не до раздумий.

Брызги крови полетели на второго транавийца, и тот испуганно вскрикнул. Но прежде чем он понял, что случилось с его спутником, Надя врезала каблуком ему в челюсть и сбила с ног. А затем перерезала горло.

Осталось еще трое. Они не могли убежать далеко. Надя опять мысленно обратилась к Божидарке. И богиня видений показала ей, где находились последние транавийцы. Юноше с мечом, несмотря на темноту, удалось убить еще двоих. Последнего Надя не видела, а лишь чувствовала, что он где-то поблизости и определенно остался в живых.

И тут ее толкнули в спину, а к горлу прижался ледяной клинок. Через мгновение перед ней оказался парень с арбалетом в руках, который, к счастью, был направлен не на нее, потому что ему с трудом удавалось рассмотреть ее в темноте. И он оказался не калязинцем, а аколийцем.

Немало акойцев воспользовались войной между соседями и стали наемниками. Но чаще всего выбирали Транавию из-за теплого климата в стране. Так что в снегах Калязина редко встречались дети пустыни.

Юноша произнес несколько слов, которые Надя не поняла. Его поза была расслабленной, словно не он оказался под прицелом магов крови. Лезвие сильнее вдавилось в горло Нади, а за спиной раздался еще более равнодушный девичий голос, неприятно царапая иностранными словами ее уши.

Надя знала лишь три основных калязинских языка и транавийский. Если она не сможет с ними общаться...

Юноша снова что-то сказал, после чего позади нее раздался вздох, а затем лезвие соскользнуло с горла.

– Что маленький калязинский убийца делает посреди гор? – спросил юноша на чистом калязинском языке.

– То же самое могу спросить и у тебя.

Она прошептала заклинание Божидарки, обостряющее ее зрение. У юноши оказалась кожа цвета расплавленной бронзы, а между длинных кудрявых волос виднелись золотистые цепочки.

Он усмехнулся.

Но тут же вздрогнул, когда рядом раздался глухой удар от того, что кто-то впечатался в дерево. А следом раздались тихие ругательства Анны. Надя закатила глаза и направила молитву небесам. Звезды и луна вновь загорелись на небе, а мир показался в три раза ярче.

– Ближайшие лет двадцать мы только и будем слушать пророчества о конце света! – проворчала Анна.

Она вытащила веньяшк и бросила настороженный взгляд за Надино плечо.

Надя присела и вонзила окровавленный ворьен в снег. А затем, посмотрев на акойца, подняла руки и медленно выпрямилась. Осторожность не помешала, ведь они находились на месте только что закончившегося сражения, хотя она и спасла им жизнь. Парень пристально посмотрел на нее, а затем опустил арбалет.

Надя оглянулась и увидела высокую акойскую девушку, которая прятала в ножны изогнутый кинжал. Ее густые темные волосы волнами спадали на плечи, которые прикрывала старая изношенная одежда, совершенно не подходящая для калязинской зимы. В лунном свете у нее в носу поблескивало золотое кольцо.

Надя выразительно посмотрела на Анну, и та со вздохом опустила кинжал.

– Кто вы? – спросила Надя.

Парень проигнорировал ее вопрос.

– Это ты сделала? – спросил он, указав на небо.

– Что за вздор, – отрезала она.

– Вздор говоришь ты. Меня зовут Рашид Хаджоути, а моя прекрасная спутница...

– Вполне может представиться сама, – усмехнувшись, сказала акойская девушка. Она больше не сжимала рукоять

кинжала и даже отодвинулась чуть в сторону, чтобы показать, что не желает Наде зла. – Меня зовут Париджахан Си-рооси. Полагаю, нам следует высказать благодарность, а не угрожать вам. – Она покосилась на Рашида. – Транавийцев оказалось больше, чем мы думали.

Но, несмотря на это, они и сами неплохо справились. Надя посмотрела на арбалет транавийского война у своих ног и подобрала его. Перед глазами на мгновение возник Костя, и ей пришлось приложить все свои силы, чтобы не разломать оружие на куски.

– Почему двое аколийцев решили напасть на отряд транавийцев посреди ночи? – пытаюсь запрятать подальше образ мертвого друга, спросила Надя и провела пальцами по деревянному стволу арбалета.

– Я могу задать вам тот же вопрос, – сказала Париджахан.

– У нас есть явная и вполне очевидная причина желать им смерти – заметила Надя.

Рашид усмехнулся. Париджахан покосилась на него, и он тут же сделал серьезное лицо.

Что-то было не так, но Надя не могла понять, что именно. Аколийцы слишком быстро расслабились, хотя поначалу и вели себя агрессивно. А еще ее смущала окутавшая их тишина.

«Хорз?»

«Да, любовь моя?»

«Мы ведь убили не всех транавийцев?»

«Я думал, ты знаешь».

Она взвела арбалет и направила его на аколийского юношу. Анна моментально вскинула вензашку и прижала к шее Париджахан. Она не понимала причины внезапной атаки Нади, но доверяла ей настолько, что действовала не задумываясь.

От такого слепого доверия Надя почувствовала себя неуютно.

«Для людей ты глас божий, любовь моя, – сказал Хорз. – Тебе следует привыкнуть к их слепому обожанию».

– Поблизости есть еще транавийцы, – сказала Надя Анне.

Аколийцы обменялись выразительными взглядами. А значит, здесь действительно происходило что-то еще.

Но прежде чем она успела обдумать, что делать дальше, Рашид поднял свой арбалет и выстрелил.

Надя инстинктивно пригнулась, пытаясь уклониться от стрелы, чтобы она воткнулась не в сердце, а в плечо или руку. Но тут же услышала, как стрела врезалась в плоть, после чего ночь пронзил смертельный вскрик. Ее разуму потребовалось несколько секунд, чтобы осознать произошедшее. Рашид стрелял не в нее. Стрела предназначалась не ей.

– Ты промахнулся, – произнес незнакомый голос с сильным транавийским акцентом.

По спине Нади пробежал холодок. Она вспомнила, как транавийские слова отскакивали от стен темного тоннеля, пока ее единственный дом пожирало пламя. Но этот ли голос

произносил их? Ей показалось, что да. Та же мелодичность – хотя в этот раз слова прозвучали на калязинском – и явно различимая властность.

Как принц смог так быстро их догнать? Они опоздали. Все кончено.

Надя обернулась.

На коленях в снегу стоял транавийский солдат, а из его плеча торчал арбалетный болт. Его лицо застыло в равнодушной маске, глаза остекленели. Позади него находился высокий, жилистый парень с резкими, выразительными чертами лица и длинными черными волосами. Его руки были в крови. Одной из них он сжимал страницу из книги заклинаний, а вторую протягивал к солдату.

– Я нашел того, кому ты позволил уйти, а ты даже не смог его убить, – фыркнув, сказал незнакомец Рашиду. А затем слегка пошевелил пальцами, и заклинание, которое он до этого наложил на воина, изменилось, после чего тот рухнул на землю замертво. Незнакомец выронил страницу и вытер снегом кровь с рук.

Это оказался не принц. Наде хотелось почувствовать облегчение – это означало бы, что ей ничего не угрожало, – но она почувствовала лишь волну силы, которая исходила от юноши, когда он творил заклинание. И та оказалась гораздо сильнее, чем все, что Надя ощущала во время нападения на монастырь Верховного принца.

– Мы могли бы допросить его, – заметила Париджахан и

беспрепятственно увернулась от прижатого к ней клинка.

Анна посмотрела на Надю с отчаянием в глазах, но та лишь пожала плечами, не менее озадаченная происходящим. Единственным транавийцем, которого она чувствовала поблизости, оказался этот маг, но он явно знал аколиитцев.

Им с Анной следовало убираться отсюда. Эта заварушка произошла слишком близко от монастыря и принца. Когда Рашид начал рыться в вещах солдат, Надя решила, что для этого наступил прекрасный момент. Но парень-транавиец тут же шагнул к ней, и она застыла, только сейчас осознав, что за несколько коротких секунд ситуация из безобидной превратилась в смертельно опасную.

Незнакомец смотрел на нее чересчур пронизательным и сосредоточенным взглядом. Несмотря на темноту, Надя рассмотрела, что его глаза были бледно-голубые, почти бесцветные. Он стал вторым транавийцем с глазами цвета льда, который ей повстречался за последние дни.

Парень бросил взгляд на Анну, но затем снова посмотрел на Надю.

– Уже познакомились? – спросил он.

Париджахан покачала головой.

– Мы из вежливости назвали свои имена, но, думаю, в Калязине не особо ценят манеры, – сказал Рашид.

На лице транавийца расплылась мрачноватая улыбка. Его клыки оказались до странного острыми и пугающими, да и все в нем немного пугало. Даже три черные вертикальные

линии, вытатуированные на лбу и заканчивавшиеся у переносицы.

– Как умно.

Надя начала понимать, как ошиблась, не воспользовавшись возможностью убежать. Да, их было всего трое и все примерно ее возраста, но в транавийце было что-то пугающее. Она не могла сказать, что именно, но знала – он без колебаний убьет ее, если посчитает опасной.

Отдаст ли он ее принцу? Или прирежет здесь и заберет всю силу, которую ее кровь даст ему?

Надя не смогла защитить монастырь, но скорее убьет себя, чем угодит в руки транавийцев.

Он шагнул ближе. И все героические мысли тут же вылетели из ее головы. Надя уже сомневалась, что сумеет отбиться от юноши, но, возможно, если она немного подождет, то сможет выбраться живой из этой передраги. Парень потянулся к ее четкам, и она недовольно зашипела на него. Никто, кроме нее, не прикасался к этим бусинам.

– Вы из монастыря, да?

Его калязинский оказался практически безупречным, но все же в нем слышался транавийский акцент. Он словно вбивал согласные.

Надя не стала отрицать, считая ответ слишком очевидным. И с трудом подавила желание отступить назад, потому что ей было мало тех тридцати сантиметров, которые сейчас их разделяли. Этот еретик осквернял богов и творил магию

крови. Даже воздух вокруг него трещал от возмущения.

– Так кто из вас владеет магией? – понизив голос, спросил он.

– Калязинцы не владеют магией, – тут же выпалила Анна. Парень пристально посмотрел на нее и вновь повернулся к Наде:

– Это была ты.

– Не смей меня, – сказала она, но ее голос предательски дрогнул.

Каждая минута, проведенная вне укрытия, давала принципу очередную возможность напасть на них. Может, именно этого он и добивался. Может, он просто тянул время.

Парень улыбнулся, но от него веяло опасностью и холодом, а взгляд казался оценивающим. Он наклонился и, подняв Надину руку, прижал ее к губам, как какой-то придворный дворянин, а не маг-изменник посреди вражеской территории.

– Меня зовут Малахия Чехович, – произнес он так, словно одаривал чем-то.

Чем-то, что Надя не просила и даже не представляла, что может когда-нибудь захотеть.

Она не назвала в ответ своего имени, и он отпустил ее руку.

«Что это было?»

Надя решила не обращать на поведение мага внимания, потому что, стиснув зубы, боролась с желанием отступить

подальше.

– Нужно убраться отсюда, – сказала Анна, подойдя к ним ближе.

Надя кивнула, а затем наклонилась, подняла свой ворьен но, почувствовав, как напрягся Малахия, спрятала его в ножны.

– Опасность миновала, а мы еще не закончили знакомство, – многозначительно сказал Рашид.

Надя не стала лгать:

– За нами по пятам идет принц, и чем дольше мы тут задержимся, тем ближе он окажется. Мы решили, что отряд, на который вы напали, отправил он, но, похоже, они просто отстали от своих. Так что нам лучше отправиться в путь прежде, чем принц догонит нас.

Рашид сузил глаза. А Малахия склонил голову набок и положил руку на книгу заклинаний.

– Принц? В Транавии принцев, сколько монахов в Калязине, так что уточни, какой именно, – растягивая слова сказал Рашид, хотя на его лице мелькнула тревога.

– Верховный принц, – отрезала Анна.

Париджахан посмотрела на Малахию:

– Верховный принц забрался в глубь Калязина?

«Они не знали», – поняла Надя, почувствовав почти головокружительное облегчение. Транавиец хоть и был опасен, но не служил в войске принца.

– Монастырь вчера сгорел, – сказала Надя, с трудом вы-

давливая слова.

Воспоминания все еще были слишком свежи.

Париджахан оттолкнула Малахию в сторону.

– Значит, тебе нужно безопасное место, чтобы выждать?

Надя заморгала:

– Что?

– Паридж... – начал Малахия предупреждающим тоном.

Но та проигнорировала его.

– Пойдем с нами, – со всей серьезностью предложила она. – И мы защитим тебя от принца.

Надя встретила взглядом с Малахией. Париджахан тоже покосилась на него:

– Он не причинит тебе вреда.

Вот только в этих словах не звучало уверенности.

– Я не стану ничего обещать, – пробормотал он.

– А я не желаю иметь ничего общего ни с одним транавийцем, – вставила Надя. – Только если это не убьет их.

– Да, я заметил, – сказал Малахия и пнул ботинком одного из мертвых солдат. – У тебя прекрасно это получается. Она не собирается принимать твое предложение, Париджахан. Так что нам пора.

– Это действительно Верховный принц? – спросил Рашид.

– Кровь и кости, мне следовало бросить вас обоих в той канаве, – огрызнулся Малахия.

Он наклонился и подхватил книгу заклинаний одного из мертвых солдат, а затем направился к деревьям.

Посмотрев на Париджахан, Рашид пожал плечами и отправился за ним.

– На самом деле, – провожая их взглядом, заговорщицки сказала она, – если бы не мы, его бы убили калязинские солдаты. После сражения Рашид потерял сознание в той канаве.

Надя никогда так не нервничала, как сейчас. Она понимала, что в лучшем случае им с Анной удастся пройти еще несколько километров в горы, пока Верховный принц не упадет на их след.

– Ты действительно сможешь защитить нас? – спросила она, когда Париджахан повернулась к ней.

Хотя Наде претила мысль находиться рядом с магом крови, она понимала, что если здесь, в горах, встречались отряды транавийских солдат, то они с Анной могли наткнуться на один из них в любой момент и не факт, что в следующий раз им так повезет. К тому же совершенно не хотелось задумываться, как это повлияет на шансы Калязина победить в войне.

Париджахан кивнула:

– Поблизости есть заброшенная церковь. Мы наткнулись на нее несколько недель назад и постарались обустроить. Правда, она может обрушиться на наши головы в любую секунду, но там хотя бы тепло.

Анна резко выдохнула. Надя покосилась на нее, но та лишь покачала головой.

– И... почему ты это делаешь? Ведь это ты приставила

кинжал к моей шее.

– Да, но тогда было очень темно. И к тому же вы помогли нам. А у меня дурная привычка подбирать тех, кто мне помог. – Она улыбнулась одним уголком рта, но стоило ей перевести взгляд на небо, как ее лицо вновь стало серьезным.

Париджахан прекрасно понимала, что это Надя призвала чары. Так что не имело смысла это скрывать. К тому же Наде еще не раз придется возносить молитвы, и как только она это сделает, люди тут же узнают, что в Калязине после тридцатилетнего отсутствия вновь появились клирики.

Ну или как минимум одна девушка-клирик.

Париджахан сжала рукоять кинжала.

– И думаю, именно с вашей помощью мы сможем совершить невозможное.

Серефин Мелески

*Своятовы Радмила, Нимфадора и Агриппа
Мартышевы:*

«Тройняшки, благословенные богом Вещеславом, жили в самом центре мрачного Черняевского леса и общались лишь со своим покровителем, пока к ним не вторгся еретик Сергей Коницкий. Он попытался заставить Мартышевых отказаться от их веры, но они не поддались ему. Тогда он убил Нимфадору и Агриппу, а затем выжег половину Черняевского леса. Радмиле удалось сбежать и спрятаться в безопасном месте, где она провела следующие семь лет, общаясь с Вещеславом, а затем выследила Коницкого и сожгла его заживо, как он поступил с ее сестрами».

Житие святых Васильева

На следующее утро Серефина мучило жуткое похмелье. А ведь ему еще предстояло допросить пленника. Он проснулся задолго до рассвета и теперь лежал на соломенном тюфяке поверх каменной плиты, смотрел в потолок и размышлял о своей судьбе.

Если они найдут девушку-клирика в течение ближайших

нескольких дней – а он в этом не сомневался, – то вскоре вернуться в Транавию. Серефин уже несколько лет не проводил в Транавии больше, чем несколько месяцев подряд. Все его время занимала война.

Он даже сомневался, что все еще помнил, как быть Верховным принцем, а не генералом-магом крови, возглавляющим армию.

Серефин сел, и тут же в висках застучали молотки, а голову пронзила боль. Застонав, он провел рукой по волосам. А затем натянул мундир и постарался не обращать внимания на то, что во рту стоял такой привкус, будто он всю ночь жевал опилки. Когда Серефин открыл дверь, то тут же увидел, что его отряд чем-то встревожен.

– Ваше высочество, я как раз собиралась разбудить вас, – сказала Остия.

Он поморщился, когда двое солдат с грохотом пронеслись мимо них по коридору, выкрикивая что-то о конце света.

– Лучше вернись обратно в постель, – сказал он.

Ему надоела эта нелепая страна и их нелепая религия, так, может, хоть конец света утихомирит его ослепляющую головную боль.

– Серефин!

– Ох, что ж ты так тихо кричишь, Остия?

Он повернулся, но тут же пожалел об этом, почувствовав, как завращалась комната. Прижав руку к лицу, Серефин прислонился к дверному косяку.

Девушка с трудом сдержала улыбку, отчего ему захотелось ее убить.

– Хочешь, я принесу тебе что-нибудь от похмелья? – ласково спросила она.

– Нет... да, воды, простой воды. – Он раздосадованно взмахнул рукой. Серефин не сомневался, что прошлой ночью она выпила даже больше, чем он. – Надеюсь, кто-нибудь объяснит мне, что происходит. – Он прислонился лбом к прохладным камням.

Остия вернулась через несколько минут и передала ему полный бурдюк воды. Но это не помогло. Прижав руку к виску, Серефин приказал ввести его в курс дел.

– Около трех часов утра звезды и луна погасли.

Он вздрогнул, а затем приподнял бровь. Почему ему так больно?

– И что это значит?

– Что этой ночью минут на пятнадцать мир погрузился во тьму.

Серефин сузил глаза.

– И разведчики, которых мы отправили по следу калязинской девчонки, не вернулись, – продолжила Остия. – Разве ей разрешено убивать людей, если она правая рука бога?

Он проигнорировал этот вопрос.

– Мне приказать остальной части полка выдвигаться? Мы можем отправить их вперед.

Серефин несколько секунд обдумывал ее предложение.

– Подожди немного.

Ему пришло на ум, что следует отправить с ними Теодора, пока он сам будет искать девчонку.

– Ты только зря тянешь время.

– У меня все еще есть ее след, но мне нужно что-то еще, чтобы привязать заклинание. И сейчас мы это получим.

Серефин отправился вслед за Остией по немногочисленным холодным коридорам храма в роскошное святилище. Он не понимал, почему так много денег тратится на создание чего-то для богов, которым это совершенно безразлично, но все же не мог не восхищаться этой красотой.

Вдоль стен святилища стояли скамьи из редкого черного дерева, на торцах которых были вырезаны маленькие статуи. Впереди, доходя до сводчатого потолка, возвышался огромный алтарь из золота, черного дерева и серебра. На самом высоком ярусе находились колонны со словами на древнем, непонятном ему языке, а ниже шли ярусы с иконами богов. Первые три из них заполняли образы с человеческими ликами: царственными, прекрасными и внушающими трепет.

Серефин остановился в дверях и посмотрел на потолок. На нем были изображены святые с нимбами на фоне леса. Вдоль стен святилища стояли иконы других святых. Как одна страна могла так возносить людей до мнимой святости?

Сквозь прозрачное стекло пробивался свет – Серефина удивило, что здесь не стояли витражи, как в заброшенных церквях Транавии. Заметив, что Остия смотрит на него, он

иронично закатил глаза.

– Из этого золота можно было бы отлить множество монет, – заметил он.

– Тогда тебе придется самому везти их в Транавию, – сказала она.

«Нам нужно отыскать новые источники денег для этой войны», – подумал Серефин. Армия разграбила все калязинские церкви вдоль границы, но от тех, что находились дальше, перевозить ценности было слишком трудно. Интересно, мог ли он действительно как-то доставить эти богатства в Транавию? По крайней мере тогда золото будет приносить пользу, а не собирать пыль и использоваться в качестве дани воздуху.

Зачем тратить время на служение богам, которые даже не знают о твоём существовании? Серефин никогда не поймет калязинцев и их преданности прошлому.

Будущее было за магией, силой. И когда люди отказались от веры, то обнаружили, что боги погрузили мир во тьму. Вернее, даже не боги, а правила и устои, установленные монахами. Конечно, война началась не только из-за религии. Между Транавией и Калязином находились территории, на которые претендовали обе страны. К тому же были еще и другие, второстепенные проблемы, лишь усугубившиеся за то столетие, что длилась война.

– Настоятель ничего не рассказал о ней? – спросила Остия, когда они подошли к двери, за которой держали мо-

лодого монаха.

– Старик говорил какими-то загадками. Я собираюсь казнить его.

Если убить лидера, то пленники становятся намного спокойнее. Серефин часто использовал эту тактику с калязинцами. И она всегда срабатывала. Однако он никогда не использовал ее на монахах. Ему не хотелось делать что-то, что превратило бы одного из них в мученика, ведь в Калязине их очень любили.

Серефин замер у самой двери и остановил Остию, когда она потянулась к ручке. И тут же получил понимающий взгляд.

– Если хочешь, я с радостью сделаю это за тебя, – сказала она.

Серефин покачал головой. На самом деле ее не должно было заботить, что он устал мучить заключенных, устал от этой войны.

– Нет, я сам. – Он одарил ее слабой улыбкой. – Кроме того, это может оказаться неплохим развлечением, верно?

Остия пинком распахнула дверь. За ней оказалась комната, почти идентичная той, где провел ночь Серефин. Калязинский парень сидел на жестком деревянном стуле со связанными за спиной руками, которые перекинули через спинку. Серефин заметил, что кто-то перевязал его арбалетные раны на ноге и боку. Это радовало. Ему не хотелось, чтобы парень истекал кровью, пока он пытается вытащить из него

нужные сведения.

– Знаешь, мы могли бы обойтись без грубой силы, – сказал парень на довольно хорошем транавийском. Видимо, он изучал гражинский, одну из разновидностей основного языка с более резким произношением. – Уверен, тебе не хочется пачкать свой красивый мундир.

Серефин поднял бровь.

– Zhe ven'ya?

У него действительно был красивый мундир.

Казалось, парень удивился, услышав свой родной язык из уст Верховного принца Транавии. Его темные волосы оказались коротко подстрижены, а сбоку виднелись три выбритые диагональные линии. Его одежда выглядела чересчур тонкой и вряд ли сильно согревала его, но Серефин полагал, что калезинским монахам нравятся страдания.

– Ты спросишь, куда направились наши пропавшие сестры, я отвечу, что даже понятия не имею. Ты убьешь меня, и на этом история закончится.

– Мне не очень нравится эта история, – подхватив стул и поставив его перед юношей, сказал Серефин. Он развернул стул, уселся на него и оперся локтями о спинку. – Неинтересная завязка и отсутствие кульминации полностью испортили сюжет.

– Транавийцы не знают хороших историй. Они слишком заняты, переписывая богохульства, которые используют потом для жертвенной магии.

– Ах, это неправда. – Серефин покосился на Остию, которая возмущенно покачала головой от этих обвинений. – Что за злобные слухи. – Он замолчал.

Парень мужественно не отводил взгляд, но на его лице мелькнула тень. Видимо, он наконец внимательно рассмотрел шрам у глаза Серефина.

– Как тебя зовут?

– Константин, – через секунду ответил парень.

– Что ж, Константин, ты прав, я хочу, чтобы ты мне сказал, куда сбежали твои сестры.

Константин подался вперед, насколько позволяли связанные руки.

– Все, что мне хотелось бы сказать, – это как именно тебе следует засунуть книгу заклинаний в свою задницу.

Оestia тут же шагнула вперед, но Серефин остановил ее. Улыбнувшись, он потянулся за книгой.

– Эту? – Он поднял ее повыше.

– Именно ее.

– Хм. – Серефин открыл книгу и принялся ее листать. – Не совсем подходящее ей применение.

Он опустил руку, чтобы рукав мундира соскользнул вниз, и аккуратно прижал большой палец к бритве, вшитой в манжету. Стоит надавить чуть сильнее, и лезвие разрежет подушечку, выжимая необходимую для магии кровь.

– Мы оба знаем, что я видел, как ты защищал ту девчонку, перед тем как она исчезла. Так куда она пошла?

– Кто?

– Притворное изумление, как оригинально. Я восхищен. Как зовут девушку?

Константин хранил ледяное молчание. Но Серефин и не ожидал, что тот ответит. Видимо, придется подтолкнуть его. Ему требовалось имя, чтобы усилить заклинание. Серефин сильнее прижал большой палец к бритве в рукаве и едва почувствовал, как лезвие рассекло кожу. Стоило ему прижать окровавленный палец к одной из страниц книги заклинаний, как глаза Константина расширились.

– Ах. Конечно же, ты не знаешь ее имени.

Магия растеклась по комнате, когда кровь пропитала слова на странице. Парень застыл, но пульсирующая жилка на шее выдавала его страх. Серефин с интересом наблюдал, как по его лбу заструился пот, а из уголков глаз потекла кровь. Заклинание просто кипятило его кровь изнутри. Но через несколько секунд – которые калязину показались годами – Серефин рассеял магию. Константин тут же откинулся на спинку стула, пытаясь отдышаться.

– Все еще не вспомнил? – ласково спросил Серефин.

Константин сплюнул ему под ноги, и пара окровавленных капель попала на ботинок Серефина. Тот с отвращением посмотрел на юношу.

– Я предчувствовал, что подобное случится, но так хотел этого избежать. – Он вздохнул и махнул рукой Остии, которая быстро вышла из комнаты.

Константин смотрел на Серефину с некоторым замешательством, пока из его носа капала кровь.

Когда Остия вернулась через пару мгновений, Серефин заметил, как паника исказила черты калязинского юноши. Перед девушкой шел еще один узник, и когда они остановились, она пнула его под колени, чтобы тот рухнул на пол. Серефин, наконец, посмотрел на того, кого выбрал Кацпер. Он был непревзойденным мастером секретов и сбора информации, и в его обязанности входило отбирать тех, кто быстрее развяжет языки пленникам.

Парень лет пятнадцати чем-то неуловимо напоминал Константина и сейчас большими и испуганными глазами смотрел на стену прямо перед собой. Остия вытащила свои клинки и скрестила их на шее пленника. Серефин медленно повернул голову и впился взглядом в Константина.

– Может, попробуем еще раз? Скажи мне, как зовут девушку и куда она направилась.

Константин стиснул зубы и посмотрел на парнишку. Его черты лица смягчились, но Серефин понял, что он еще не готов рассказать все, что знал.

– Похоже, тут потребуется еще немного убеждения, – сказал Серефин.

По его большому пальцу продолжала струиться кровь, поэтому он осторожно вырвал еще одну страницу из книги заклиний.

На лице Константина мелькнул страх, когда Серефин,

подперев подбородок ладонью, посмотрел на парнишку. Заклинание быстро начало действовать, и паренек задрожал от безмолвной боли, а по его лицу потекли слезы. Серефина поразила эта мученическая стойкость перед лицом агонии.

– Нет! – Константин забился в своих путах. – Не трогай его! Не мучай его.

– Ох? Мне остановиться? – Серефин развеял заклинание, и паренек тут же захныкал.

На лице Константина мелькнула тоска, а затем отразилось смирение.

– Надежда. Ее зовут Надежда.

– Полное имя, пожалуйста?

Серефин протянул руку и вытащил один из кинжалов Остии, висящих на ее бедре. А затем принялся чистить ногти острием лезвия.

– Лаптева. Надежда Лаптева.

Серефин еле сдержал улыбку. Теперь девчонка была у него в руках.

– А вторая девушка?

– Анна Вадимова. Я... Я не знаю, куда они отправились. В этом районе есть несколько убежищ, и она могла выбрать любое из них.

Юноша осел на пол под грузом предательства. Серефина это только развеселило. Даже он понимал, насколько это жалкая информация. И его не удивило, что они обустроили несколько убежищ. Что ж, им придется тщательно прочесать

окрестности. Но перед этим Серефину еще хотелось получить ответы на некоторые вопросы, связанные с концом света:

– Достаточно ли она сильна, чтобы погасить все звезды на небе?

Константин поднял голову, и Серефина пронзило легкое отвращение, когда он увидел на лице пленника что-то подозрительно напоминающее надежду.

– Она нет, но боги да.

Серефин тихо хмыкнул:

– Ну конечно. – Он встал. – Спасибо, Константин, что уделил мне время.

Он вырвал еще одну страницу из книги заклинаний и скомкал ее в руке.

Остия отступила на шаг, и паренек замертво рухнул на пол.

Серефин вышел из комнаты, когда шок на лице калязинского монаха сменился злостью, а воздух наполнили яростные крики.

Остия закрыла дверь, чтобы заглушить их.

– Я попрошу кого-нибудь забрать тело, – сказала она.

– Спасибо. – Серефин посмотрел на Остию. – Прошу тебя, больше не позволяй мне напиваться.

– Как пожелаешь, Серефин.

Когда они вернулись в святилище, Серефин остановился перед богато украшенным алтарем. Он провел рукой по рез-

ному изображению леса, которое уходило к потолку.

И тут внезапно его череп пронзила боль, а глаза закололо, словно в них вонзились шипы. Упав на пол, он схватился одной рукой за голову, а второй принялся на ощупь искать книгу заклинаний и бритву.

– Серефин! – бросившись на колени, вскрикнула Остия.

Он сжал кулак. Боль уже рассеялась и отступила, утекая словно вода и позволяя вздохнуть.

– Что это было?

Серефин мысленно проверил все активные магические нити. И не обнаружил той, что вела к заклинанию, привязанному к девушке-клирику. Он потянулся к ней, прижав указательный палец к бритве в рукаве, но даже свежая кровь не смогла восстановить ее. Теперь он знал ее имя, но оно не поможет, если потерять след.

Видимо, беглянка обнаружила заклинание, разрушила и теперь не давала вновь его оживить. А ночью погасила все звезды на небе. Девчонка оказалась сильнее, чем он думал.

И поэтому он просто обязан ее найти. А затем забрать ее силу себе.

– Пусть Теодор возглавит отряд, – медленно произнес Серефин. – А мы с тобой и Кацпером отправимся за девчонкой. Прямо сейчас.

Надежда Лаптева

Хотя Божетяху – бог ветра, его считают воплощением скорости и самого времени. Он везде и нигде одновременно.

Писание богов, 10:114

На висках у Нади выступила испарина, но лишь заклинание принца развеялось, она почувствовала облегчение. А стоило выдохнуть, как и странное ощущение, что что-то не так, ее покинуло.

Шедший впереди транавиец остановился. Оглянувшись, он посмотрел на нее и нахмурился, отчего исказились татуировки на лбу.

«Он не должен был этого почувствовать», – подумала Надя.

«Нет... не должен был, – согласилась с ней Марженя, и ее голос звучал заинтересованно. – Ты же скоро избавишься от него, да?»

«Он транавиец», – ответила Надя.

Для нее это все объясняло.

Надя была обескуражена, когда Марженя сказала, что

принц следит за каждым ее шагом. Ведь она даже не почувствовала запаха его магии крови. Существовало еще множество вещей, которые Надя не могла делать сама.

После того как Париджахан предложила воспользоваться их укрытием, они быстро догнали спутников. Рашид улыбнулся Наде, а Малахия лишь молча посмотрел на нее и, отвернувшись, продолжил путь.

Они подошли к большой полуразвалившейся церкви, расположенной посреди долины. Похоже, тот, кто построил ее, хотел посоперничать с собором Мученика Адриана в Хавирске, но что-то помешало ему. Здание было выполнено из дерева – даже округлые, похожие на луковки купола, а стены покрывала красная краска, которая облупилась от времени. Судя по резьбе над дверью, церковь собирались посвятить Алёне, богине солнца.

«Это твое?» – спросила Надя, сжав пальцами соответствующую бусину на четках.

В ответ ее окутало весельем:

«Ее так и не освятили в мою честь».

Надя оглядела церковь. Она могла исправить это упущение. «Интересно, как эти беглецы отнесутся к тому, что вместе с ними тут поселится богиня?» – подумала она. Если они действительно беглецы. Она не знала, каким словом можно описать этих трех чужаков, среди которых затесался как минимум один враг.

Рашид толкнул дверь. В передней оказалось темно, а из

огарков свечей в канделябрах горел только один. Изнутри здание ничем не напоминало церковь. Вглубь вели три заполненных тьмой коридора – два по бокам и один посередине. Надя предположила, что тот, что по центру, ведет к святыню – так строили большинство церквей, – но остальная часть здания явно была спроектирована так, что подсобные помещения выстроились в одну линию.

– Она уже была в таком виде, когда мы наткнулись на нее, – сказала Париджахан.

Темная передняя переходила в большой, просторный неф. У дальней стены громоздилась груда оружия, судя по всему, отобранного у транавийских отрядов. В комнату залетал холодный воздух из дыр на потолке, но в импровизированном камине, сложенном в дальней части святыни, тлел огонь, у которого можно было хоть немного согреться. На противоположном конце комнаты лежала стопка истончившихся подушек и одеял. Рашид тут же уселся на них, а затем положил арбалет на колени и принялся тщательно его осматривать. Неподалеку от него и одеял стоял стол со скамейками, явно перенесенные из кухни, на которых лежало несколько потрепанных карт.

Стена, разделяющая неф и алтарь, была снесена, и единственное, что о ней напоминало, – висевшая над камином икона Алёны. Она была настолько прекрасна, что стоила не меньше тысячи копеек. Анна посмотрела на Надю расширившимися от удивления глазами.

На иконе стоял отличительный знак одного из любимейших в Калязине иконописцев – Прасковьи Виленовой. Ее причислили к лику святых после того, как транавийцы отрезали ей пальцы, выкололи глаза, а затем привязали к лодыжкам камни и утопили в одном из сотен озер. Эта троица скорее всего даже понятия не имела, сколько стоила эта икона.

– Вы уверены, что здесь безопасно? – спросила Анна. – Это место... слишком бросается в глаза.

– Разве похоже, что здесь кто-то бывает? – сказал Рашид. Он был прав. Казалось, будто церковь давно забыта миром.

– Мы не задержимся здесь надолго, – сказала Надя. – Всего на день или около того.

Она разрушила заклинание принца довольно далеко от церкви, так что теперь надеялась, что они в безопасности. Но им не стоило задерживаться здесь, ведь еще предстояло добраться до Твира.

– Да? – спросил Рашид с легким разочарованием в голосе. – Разве Париджахан не объяснила вам все?

– Все? – переспросила Анна.

– Не о чем говорить, пока они не начнут доверять нам, – сказала Париджахан и запрыгнула на стол. – Но, полагаю, им можно рассказать о наших планах. Мы хотим остановить войну.

– О, всего-то? – рассмеявшись от изумления, спросила Надя. – Война длится уже сотню лет, и ты думаешь, что вы

сможете ее остановить? Ты права. Какое здесь может быть доверие?

– Это не пустая болтовня, – сказал Малахия и прислонился к столу рядом с Париджахан. – Но раз среди нас затесался мерзкий еретик, думаю, для начала мы должны выяснить, кто из вас владеет магией.

Его взгляд задержался на Наде, и в уголках губ мелькнула улыбка, а затем он посмотрел на Анну.

Малахия был одет в военную форму транавийского мага крови, хотя его черный мундир истрепался, а на рукавах и подоле виднелись дыры. Локти закрывали нашивки, а серебристые эполеты выглядели так, словно знавали лучшие времена.

Рашид выжидающе посмотрел на Анну и Надю.

Но никто из них не произнес и слова. Надя даже прикусила нижнюю губу. Если бы эту церковь построили по традиционному плану, то отсюда вело бы несколько выходов. Осталось бы только найти нужную дверь и правильный коридор, чтобы выбраться на улицу. Но Наде не хотелось, чтобы единственной ее реакцией на любую ситуацию было желание сбежать. Неспроста ведь два аколиита и транавиец ночевали в горах Калязина. Неспроста они говорили загадками, а маг крови выглядел встревоженным. Для всего этого была причина, и Наде следовало верить, что боги не просто так свели их с Анной пути с этими чужеземцами.

– Я могу устроить вам проверку, – сказал Малахия.

– Нет! – вскрикнула Анна, отчего Надя чуть не подпрыгнула.

Малахия поднял бровь, а затем вновь перевел на Надю свои бледные глаза. По ее спине тут же пробежал холодок.

«Он знает, что это я».

И эта мысль оказалась очень неприятной.

Малахия оттолкнулся от стола и вытащил из ножен на поясице искривленный, зловещий на вид кинжал. Вертя его между пальцами, он направился к девушкам.

Пускание крови, чтобы проверить ее на владение магией, само по себе считалось еретическим поступком, и ситуацию лишь усугубляло то, что это собирался сделать еретик – маг крови.

Бледные глаза Малахии остановились на Наде.

«Отлично. Если он собирается убить меня, чтобы забрать мою силу, то мне придется его опередить».

Малахия протянул к ней руку и обхватил запястье. От этого прикосновения по коже Нади побежали мурашки. Она видела, как заблестело серебро, когда Малахия поднял кинжал, и как только металл коснулся ее указательного пальца, все ее тело застыло.

– Нет, – прошептала она.

Сжавшись, Надя отстранилась, но хватка Малахии была такой же крепкой, как кандалы.

Не отрывая взгляд от транавийца, она вытащила свой ворьен и приставила лезвие к горлу Малахии. Тот напрягся и

запрокинул голову, чтобы клинок не вжимался в кожу. А затем на губах юноши медленно расплылась улыбка.

– Ты и сам знаешь, что это я, – тихо сказала она. – Не думай, что я стану участвовать в этой ереси.

– Догадываться и знать наверняка – две разные вещи. А ересь такое уродливое слово.

Надя покосилась на Анну. Казалось, та перестала дышать и в ответ лишь встревоженно покачала головой.

– Мне нужны доказательства, – сказал Рашид.

Малахия все еще сжимал запястье Нади, а по его бледной шее стекала тонкая струйка крови, вызванная ее слабыми нервами. Он осторожно поднял вторую руку и стер кровь с кожи большим пальцем.

– А вот доказательства участия в ереси, – пробормотал он.

Надя тут же убрала ворьен.

– Тебе не хватило того, что погасла луна и звезды? – спросил Малахия у Рашида, отпустив запястье Нади и убирая свой кинжал в ножны. – Меня больше интересует, есть ли какие-то последствия от такого заклинания? Какой ущерб нанесут приливы и отливы, если луна погаснет на столь продолжительное время?

– Мы за тысячи километров от океанов, Малахия, – устало сказала Париджахан.

– Но над этим все же стоит задуматься.

– Он же транавиец. У них всегда все мысли о воде, – сказал Рашид. – Их страна же практически находится под водой.

– Всего несколько озер... – начал Малахия.

– И болот.

– И множество прудов! – добавила Париджахан.

– А на севере и востоке вообще омывается океаном, – продолжил Рашид. – Знаешь, почему война не перешла в Транaviю? Никто в Калязине не умеет плавать. Вот ты умеешь плавать? – спросил он Надю.

Она покачала головой.

– Послушав вас, согласишься, что замерзнуть насмерть под толщей снега – действительно более приемлемый способ умереть, – задумчиво произнес Малахия.

– Я могу придумать еще сотню способов твоей смерти, – пробормотала Анна.

Улыбнувшись, он прижал руку к сердцу.

– И конечно же, вся эта сотня заслужена.

– Приливы и отливы зависят от земного притяжения, – заумным тоном произнесла Париджахан. – Мой народ выяснил это еще много веков назад.

Малахия возмущенно фыркнул, а затем посмотрел на Рашида, и тот кивнул с серьезным видом.

Надя уже решила, что из-за этой праздной болтовни все позабыли о ее чарах, но поняла, что ошиблась, когда Рашид указал на нее пальцем.

– Так будут доказательства?

– А что ты будешь с ними делать?

– Поразительно, что страна, которая потеряла всех своих

магов и так активно сражается против магов другой страны, наконец снова получила своего.

Надя посмотрела на Малахию, пытаясь определить его реакцию, но увидела лишь равнодушную маску.

– И что будет делать он?

– О, он, вероятно, захочет убить тебя и забрать силу. Разве не так умерли все ваши клирики?

Малахия усмехнулся.

Надя вздрогнула, ведь это, несомненно, имело отношение к делу.

– Но он этого не сделает, – продолжил Рашид. – Потому что он приехал в Калязин не за этим.

– Хотя мог бы, – задумчиво произнес Малахия.

Париджахан закатила глаза, но Надю охватил ужас при мысли о собственной смерти. Она не понимала, почему акойцы не воспринимали Малахию всерьез.

Все же девушка провела рукой по четкам и принялась перебирать бусины, раздумывая, каким воспользоваться заклинанием, а затем остановилась на знаке Крсника. Возможно, это был самый простой способ продемонстрировать свои способности. К тому же предыдущее выступление и так получилось эффектным.

«Поможешь немного?»

Крсник, старый и ворчливый бог, пробормотал что-то, видимо, выражавшее согласие, так как через мгновение Надя получила заклинание. Она сдула на ладонь окутанные ды-

мом мерцающие символы, и на ее руке вспыхнул огонь.

Париджахан с Рашидом обменялись восхищенными взглядами. Надя подошла к столу и провела объатым пламенем пальцем по странице, скорее всего вырванной из книги заклинаний, а затем подняла ее. Та вспыхнула и превратилась в кучу пепла, которую она ссыпала в ладонь мага крови. Но Наде не удалось разобрать, что светилось в его глазах, когда они встретились взглядами. Настороженность, любопытство и что-то еще в глубине. Что-то темное. То, от чего она невольно вздрогнула. И вновь подумала: почему на ее пути появился еретик? Чтобы она убила его? Какая еще может быть причина?

На губах Малахии мелькнула улыбка, словно он мог читать ее мысли, как боги.

– Так в чем же разница между тобой и нашим другом, магом крови? – спросил Рашид. – Уж прости молодому красивому чужаку его невежество.

Маг крови, о котором шла речь, плюхнулся на подушки рядом с Рашидом, положил книгу заклинаний себе на колени и раскрыл ее. Надя не заметила, когда он успел порезаться, но тыльную сторону его руки покрывала кровь, которой он принялся что-то выводить на страницах с помощью пера.

– На мой взгляд, ваш маг сейчас очень явно демонстрирует это различие, – сказала она. – Кровь. Книга заклинаний. Ересь. Вот на чем основана транавийская магия.

Малахия улыбнулся, не отрываясь от своих дел.

«Он слишком много улыбается», – подумала Надя.

– Мои силы дарованы богами. Я не владею чарами. Не использую кровь. И у меня нет книги заклинаний.

– Зато постоянно приходится соответствовать требованиям богов, – сказал Малахия. – Никакого давления, но один неверный шаг, и все кончено.

– Неужели так трудно жить по воле богов? Они ведь просят так мало. Ты просто не доверяешь им.

Он покачал головой.

– Мало? – переспросил он с сомнением в голосе. – Они просят слишком много. Как ты думаешь, почему транавийцы отказались от богов? Разве кто-то может желать жизни, подчиняющейся прихотям другого существа? Нам захотелось самим выбирать свою судьбу.

Надя закатила глаза:

– Но стоит ли ваша судьба пыток и увечий невинных, которых вы веками мучили, чтобы добраться до основы вашей магии? Сотни, нет, тысячи людей.

На лице Малахии что-то мелькнуло, но маска равнодушия появилась так быстро, что Надя усомнилась, не показалось ли ей.

– Жертвы приносились добровольно. Мы никого не заставляли.

– Кроме военнопленных, – парировала она.

Малахия наклонился вперед.

– Даже военнопленные, в конце концов, понимают, что

служат благим целям.

– Благим целям? – окончательно выходя из себя, воскликнула Надя. – Как ты смеешь говорить о благих целях, словно ты и твои соотечественники не мерзкие еретики, которые восстали против богов?

От этих слов Малахия ухмыльнулся, продемонстрировав острые зубы. А затем склонил голову набок и с лентой закрыл книгу заклинаний. Сделав это, он достал из кармана бинт и медленно перевязал руку.

– Ладно, твоя взяла. Она нам пригодится, – сказал он Рашиду.

Наде это не понравилось:

– Пригожусь? Ты и меня запишешь в число добровольных жертв?

Поднявшись, Малахия пересек комнату и остановился перед Надей. Теперь из-за своего высокого роста он возвышался над ней. Обхватив подбородок девушки перепачканной кровью рукой, он повернул ее лицо к себе.

– Нет, тебе так не повезет, – ласково сказал он, опалив дыханием ее щеку.

– Малахия... – начала Париджахан.

Маг тут же отпустил Надю и сделал шаг назад.

– Мы сможем защитить тебя, – сказал он. – Даже если Верховный принц окажется у двери, он не поймет, что здесь стоит церковь. Я позаботился об этом.

– Может, Верховный принц и не заметит, а как насчет дру-

гих ужасов Транавии? – выпалила Анна.

Теперь настала очередь Малахии замереть:

– Каких ужасов?

– Чудовищ, которым вы, транавийцы, позволили осквернить некогда святые места. Что насчет них?

– Стервятники не появляются в местах сражений, – сказал он, но его голос звучал напряженно. А затем рассеянно потер рукой предплечье. – Они не покидали Транавию...

– Около тридцати лет, – произнесла Надя. – Забавно.

Малахия сузил глаза, но затем покачал головой и отступил назад. Транавийские Стервятники были сущим кошмаром для Калязина. Эти маги крови настолько погрязли в ереси, что перестали быть людьми, а превратились в жестоких чудовищ. Правда, в Калязине их уже давно не видели. Вот только именно они забили последний гвоздь в гроб клириков.

Если они придут за Надей, то ей вряд ли легко удастся от них сбежать.

– Зачем вам помогать нам? – спросила Надя после неловкого молчания.

– Мы не друзья Транавии, – ответила Париджахан.

Надя выразительно посмотрела на Малахию, и тот улыбнулся в ответ:

– Мы здесь, потому что транавийцы сожгли последние... Сколько, три лагеря беженцев, на которые мы наткнулись? – уточнил Малахия, вернувшись к столу и усевшись на него

рядом с Париджахан.

– Три лагеря, две заставы, один военный лагерь и одну деревню, – перечислил Рашид.

– На военный лагерь они наткнулись еще до встречи со мной, – заметил Малахия, видимо, по одному взгляду поняв, что Наде очень хотелось спросить: «Как он мог оказаться в военном лагере?»

– Так что, снова повторяюсь, мы хотим, чтобы эта война закончилась, – сказал Париджахан.

– Как и все мы, – пробормотала Анна.

– Да, и спасение жизни калязинскому клирику очень бы в этом помогло, разве нет? Даже с учетом разницы в наших взглядах на мир.

– Для начала, – согласилась Надя.

– А если мы пойдем дальше? – спросила Париджахан. – Эти двое все время говорили мне, что стоит дождаться подходящей возможности, и вот ты здесь. Так скажи мне, как ты смотришь на то, чтобы убить короля Транавии?

Серефин Мелески

Своятова Алиса Варушкина:

«Алиса была провидицей и клиричкой Божидарки. Ее видения не раз помогали предотвратить вторжения в западные губернии Калязина. Но она не видела своей судьбы. И много лет спустя младший принц с Запада Дмитрий Зюгов выжг ей глаза пылающей кочергой за то, что она помешала его планам».

Житие святых Васильева

– Ваше высочество?

Серефин сжал кулак и рефлекторно прижал указательный палец к бритве в рукаве. Но тут же заставил себя расслабиться. Если он будет дергаться, это все усугубит.

– Да?

Он почувствовал облегчение, когда заметил Кацпера за спиной Теодора, которое тут же испарилось, едва он увидел, что Кацпер нес что-то подозрительно напоминающее послание от короля. Живот тут же сжался от ужаса.

– Вы разговаривали с моим отцом? – спросил он у Теодора.

– Да, ваше высочество. Король выразил... – Он замолчал на мгновение, и Серефин не удержался от вздоха, зная, что последует дальше. – ...недовольство результатами вчерашнего нападения.

– Ну, его здесь не было, – пробормотал Серефин.

Теодор на это ничего не ответил, а Кацпер молча протянул послание. Серефин осторожно взял его двумя пальцами. Скрепляющая печать принадлежала отцу. Обычно король отправлял послания с гонцом, а не с помощью магии, пытаясь, таким образом, утаить столь разочаровывающий его факт, что он не такой уж и могущественный маг крови.

– Сообщение пришло сегодня утром? – спросил Серефин.

Кацпер кивнул.

Кто бы еще сказал, сколько времени его несли Серефину. Сломав печать, он пробежался глазами по тексту, Снова и снова, чтобы убедиться, что зрение его не подводит. А затем, нахмурившись, посмотрел на Кацпера и внимательно перечитал вновь.

– Мой отец упоминал об этом в разговоре?

– Нет, – сказал Теодор.

– Ничего? Вообще? Ни малейшего намека на то, что он планировал месяцами, даже не предупредив меня?

– Может, вы... ваше высочество, – исправился Кацпер, раздраженно покосившись на Теодора, – вы расскажете, что написано в послании?

– Король хочет, чтобы я вернулся в Транавию, – сказал Се-

рефин и протянул документ Кацперу, проигнорировав возмущение на лице Теодора. – Причем немедленно. Он планирует провести Равалык.

– Что? – пораженно воскликнул Кацпер.

– Это церемония выбора супруги будущего короля... – начал Теодор.

– Я знаю, что такое Равалык, – перебил Кацпер.

– Он знает традиции, – одновременно с ним огрызнулся Серефин.

Теодор угрюмо покосился на Кацпера:

– Мне нужно выловить девчонку, и у меня нет лишнего времени, – сказал Серефин. – Мы так близки к тому, чтобы лишить Калязин последней надежды, а он хочет, чтобы я бросил все ради бессмысленного балагана.

– Он упоминал, что Стервятники просили, чтобы их отправили за девушкой-клириком, – сказал Теодор.

Серефин провел рукой по волосам. Кацпер поднял брови.

– Значит, он лишает меня звания главнокомандующего и отзывает домой, – тихо сказал Серефин.

Теодор на это ничего не ответил.

Конечно же, Стервятники хотели наложить лапу на первого клирика, появившегося в Калязине за последние тридцать лет. Орден возглавило новое поколение, которое никогда раньше не видело магии Калязина. И их требование имело смысл.

Но Серефину была ненавистна мысль, что его победа до-

станется кому-то другому. Отец отправил его на фронт, когда ему было всего шестнадцать. Он хотел, чтобы сын стал героем войны, и так и случилось, но к этому добавились и неприятности, связанные с ней. С его стороны было несправедливо просить Серефина сыграть непривычную ему роль, когда Транавия так приблизилась к победе.

Только спорить не имело смысла. Ему не оставили выбора. Если он уедет прямо сейчас, то доберется до Гражика за несколько недель или чуть дольше, если возникнут проблемы на границе. Но если он возьмет с собой лишь Остию и Кацпера, то дорога займет еще меньше времени. Правда, они находились в тылу врага. А здесь что угодно могло пойти не так.

– Ты останешься за главного, – медленно произнес Серефин, чувствуя, как каждое слово пронзало его словно стрела. – Вы должны доставить пленников в Къетри, верно?

Теодор кивнул.

– Хорошо. Лейтенант Нейборски отправится со мной, – добавил он.

Кацпер облегченно вздохнул, будто на мгновение подумал, что Серефин мог оставить его. Смешной.

– Генерал Рабальска, кхм, как вы догадались тоже. А вы должны собрать пленников и увезти их отсюда не позднее завтрашнего утра.

Теодор сообразил, что его отправляют прочь, поэтому поклонился и, дождавшись кивка, ушел. Если Серефину пове-

зет, то он не увидит этого человека еще несколько месяцев.

Пройдя по холодным, мрачным коридорам, они добрались до громадных деревянных дверей, которые вели во двор. Изнутри на них отсутствовали украшения, но снаружи их покрывали изысканная резьба и лики святых. Всего шесть ликов, по три на каждую дверь. Покосившись на них, когда двери закрылись, Серефин одним прыжком преодолел ступени и оказался во дворе, где его ждала Остия. Она сидела на парапете, за которым скрывались семь тысяч ступеней, ведущих вниз с горы.

Серефин сбросил рюкзак на землю и запрыгнул на парапет рядом с ней. Кацпер сел по другую сторону от него.

– Мне приказано вернуться домой и выбрать жену.

Остии хватило совести поморщиться:

– А как же девчонка?

– За ней отправятся Стервятники.

– Она не проживет и дня.

Кацпер вздрогнул.

– Такой судьбы я не пожелал бы даже калязинке. Вы представляете, что ее ждет? – Он провел рукой по лицу. – Их маски ужасны.

В Транавийском обществе Стервятники занимали особое место. Они считались элитными магами крови, которые провозгласили выдолбленный в скале древний собор в Гражике анклавом и жили там под предводительством собственного главы, именуемого Черным Стервятником и восседающего

на Троне Падали.

Когда Транавия отделилась от богов, Стервятники заняли место монахов. Вот только они никому не подчинялись, утверждая, что прислушиваются лишь к всеведущему голосу магии. Стервятники могли отправиться за девушкой-клириком и без разрешения короля, но предпочитали соблюдать баланс сил в Транавии и действовать как советники трона. Их власть распространялась на все, что было связано с магией, которая играла очень большую роль в стране. Поэтому во дворце очень часто можно было встретить Стервятников с железными когтями и в рваных хламидах, походивших скорее на чудовищ, чем на людей.

На протяжении десятилетий жителям Транавии старательно показывали, что король держит Стервятников на коротком поводке. Они обучали королевских отпрысков магии и поддерживали определенный уровень безопасности в Гражике. А еще им не разрешалось покидать столицу и Кьетри, два города, в которых жили лидеры их ордена. Их не призывали на фронт, потому что никто не мог предсказать, как они поведут себя во время сражения и не станут ли скорее мешать, чем помогать. Но Серефин мог бы назвать множество боев, произошедших за эти годы, исход которых стал бы другим, будь в его отряде хоть один Стервятник. Только он никогда бы не стал просить об этом. Потому что даже ему было не по себе рядом с ними.

Серефин почесал затылок и, прищурившись, посмотрел

на купола обители в виде луковок. От сияния выбеленного камня его больной глаз пронзила боль.

– А еще отец хочет, чтобы пленников доставили в кьет-рийские пещеры.

– С чего это Стервятники так активизировались? – спросила Остия.

– Странно, правда?

Их окутало молчание. Соляные пещеры, где Стервятники проводили свои опыты, были не самым приятным местом.

– Мне это не нравится, – наконец сказал Серефин.

Остия покосилась на него.

– Выбранное время, Стервятники, то, что мой отец прислал это, – он взмахнул посланием, которое все еще сжимал в руке, – вместо того чтобы напрямую связаться со мной, и теперь мне приходится в спешке возвращаться домой. Я не понимаю, что он задумал.

Все были в курсе, что у Серефина с отцом натянутые отношения. Сам же Серефин не знал, чем вызвано взаимное отчуждение: страхом, нелюбовью или следствием отправки на фронт в столь юном возрасте. Но как бы там ни было, он уже привык к непостоянству отца, поэтому не понимал, почему так удивился этим странным совпадениям.

Остия недоверчиво покосилась на него:

– Он уже целую вечность вытирает об тебя ноги.

– Ты тоже так думаешь?

Серефин уже несколько лет не мог передохнуть. Это не

удивляло, пока он находился на фронте, но стоило ему вернуться в Гражик, чтобы напомнить жителям страны о том, что у них есть принц, как его отправляли обратно. Он утомился, стал невнимательным, и казалось, стоило его коснуться, тело тут же развалится на куски. Ему совершенно не хотелось ввязываться в политические игры по возвращении в Транавию, но такой была его судьба.

Остия правильно сказала, трещина в их отношениях лишь ширилась. Отец изо всех сил старался скрыть правду – его сын был более талантливым магом крови, чем он. И стоило убрать принца из поля зрения, как придворные – славки тут же позабыли, что сын сильнее отца.

Спрыгнув со стены, Серефин чуть не поскользнулся, но удержал равновесие и повернулся к друзьям.

– Как думаете, у нас получится разыграть хороший спектакль?

– И что ты задумал? Что еще за спектакль?

– Если это Равалык, то да, – сказал Кацпер.

– Бессмысленный спектакль для дворянства, – сказал Серефин, а затем пожал плечами и добавил: – За этим кроется что-то еще. И мне придется узнать, что именно. Но не думаю, что меня это обрадует.

Остия сузила глаза:

– Узнаю этот взгляд. Что ты задумал?

Серефин и сам не был уверен, что именно сделает. Его не покидало нехорошее предчувствие, выующийся внутри страх,

который вызывал опасения и не позволял бездумно лететь в столицу и играть там роль принца. Может, на него так повлияли смерть и разрушения, которые он видел каждый день на протяжении последних лет. А может, просто лишился рассудка. Но в любом случае это чувство никуда не девалось.

– А что, если отец воспользуется Равалыком, чтобы усадить на трон свою марионетку? Кого-то, кем можно манипулировать. – Серефин был слишком самоуверенным, слишком сильным и представлял собой слишком большую угрозу для власти Изака Мелески. – Если он таким образом свяжет кого-то с тронem, а потом со мной произойдет несчастный случай... – Он замолчал.

– Ох, – вздохнула Остия.

– Насколько параноидальными кажутся мои слова?

– Очень.

Он кивнул.

– Я командую войсками уже три года, – тихо сказал он. – И знаю, что нельзя вступать в сражение, если нет продуманной тактики. А еще без разведки никак. Так что мне придется отправиться домой и уже на месте оценить, что же там творится, а затем при необходимости разобраться с происходящим. Может, мне просто предстоит сыграть принца в дешевом спектакле. А может, этим все не ограничится. Так давайте отправимся туда и узнаем, каким будет это сражение.

И с этими словами Серефин начал спуск по семи тысячам ступеней.

Надежда Лаптева

«Божидарка не только богиня видения, но и богиня пророчеств. Будьте осторожны, ее дары могут сломить разум простого смертного, а ее милости не так уж легко истолковать».

Писание богов, 7:12

Они больше ни слова не сказали о своих планах убить короля. После того как Надя неверующе пробормотала, что это невозможно, Париджахан предложила продолжить разговор утром.

Убийство транавийского короля могло положить конец войне, и к тому же – что для нее было более значимым – стало бы небольшой расплатой за смерть Кости. И ради этого она готова была рискнуть. Надя не знала, возможно ли это, – и сильно сомневалась, что все получится, – но после этих слов стала лучше относиться к аколийцам. Хотя все еще ждала удачного момента, чтобы воткнуть один из своих ворьенов в сердце транавийца.

Всю ночь Надя проворочалась в холодной комнате на жесткой кровати под тонким одеялом, украденным у транавийских солдат. Встав еще до рассвета, она выскользнула за

дверь и пошла по коридору. Она привыкла просыпаться до восхода солнца, чтобы помолиться богам, и ей хотелось найти для этого подходящее место.

Когда Надя вышла из комнаты, Анна еще спала. В пустом святилище за столом сидела Париджахан и рассматривала разложенные перед ней потрепанные карты.

– Ты всерьез говорила об убийстве короля? – спросила Надя, усевшись напротив акоййки.

– Думаешь, я стала бы шутить о чем-то подобном? – не поднимая глаз, ответила Париджахан. Свои темные волосы она заплела в косу и перекинула ее через плечо. – Раньше нас было больше. Парень, лишившийся всего, когда транавийцы сожгли лес, благодаря которому выживали он и его семья. Девочка, выросшая в лагере беженцев. Брат и сестра из калязинской Новиркрии, которых призвали в ряды армии еще в детстве, но затем дезертировавшие оттуда.

Деревня Новиркрия находилась недалеко от южной границы, близ Лиднадо, маленькой страны, которая одинаково ненавидела обоих своих соседей и чудесным образом не вмешивалась в войну все столетие.

«В этой стране осталось так мало верующих», – заметила Марженя.

– Что с ними случилось? – спросила Надя.

– Эта страна, эта война. Брату и сестре пришлось сбежать на север, чтобы их не поймали калязинские солдаты, а следом ушли и другие.

Но двое аколийцев и транавиец остались?

В комнату незаметно вошли остальные. Анна села рядом с Надей и положила голову ей на плечо.

– Ну, мы все еще здесь, – сказала она.

– И нет Верховного принца, – отметила Париджахан.

Рашид принес еду: миски с кашей – жидкой баландой, которая была хорошо знакома Наде, – и буханку черного твердого хлеба. Оставив все это на столе, он свернулся калачиком на гряде подушек в углу. Юноша был одет в многослойный коричнево-золотой аколийский наряд с длинными рукавами с разрезами.

– Почему никто не предупредил меня, что калязинские убийцы так рано встают? – зевнув, поинтересовался он.

Малахия вошел в комнату, сжимая в руке полбуханки хлеба. Выглядел он так, словно и вовсе не спал. Его длинные волосы спутались, а под бледными глазами виднелись темные круги. Он плюхнулся на подушки рядом с Рашидом и закрыл лицо ладонью.

– Они и не встают, это делают лишь монахи, потому что в три часа ночи их призывают на молитву, – сказала Надя.

– И они еще нас называют варварами, – задумчиво пробормотал Малахия.

– Мы называем вас еретиками. А это немного другое, но более точное слово, – огрызнулась Надя.

Закатив глаза, Малахия сел и засунул большой кусок хлеба в рот. А затем открыл книгу заклинаний и положил перо

между страницами.

– Не смей пускать кровь, пока мы едим, – сказала Париджахан.

Сжимая кинжал в руке, Малахия поднял голову. Лезвие застыло над предплечьем, а изо рта юноши все еще торчал хлеб. Париджахан выразительно посмотрела на Малахию. И спустя несколько секунд он покорно опустил нож.

Надя рассматривала карты, когда акойка передала ей миску с кашей.

– Мне нужно попасть в военный лагерь в Твире, – сказала Надя.

Она все еще не рассматривала их безумные планы убийства короля всерьез. На нее возлагали большие надежды, поэтому Надя не могла просто отказаться от своего предназначения при первой же трудности. Она была сосудом, который вновь наполнит мир божественным участием.

– В Твир? Ты хочешь попасть в объятия транавийцев, towy dzimyka? – спросил Малахия.

Надя старательно перебирала свой скудный словарь транавийских слов, пытаясь понять, как он ее назвал. Маленькой птичкой? Озадаченная смыслом этих слов и снисходительностью в его голосе, она решила не обращать на Малахию внимания.

– Как я понимаю, у тебя есть определенный план действий, да? – продолжил он. – Ты же такой важный маг.

Сейчас снисходительность прозвучала еще выразитель-

нее.

– Но если ты отправишься в Твир, то умрешь. Транавийцы захватили его еще два месяца назад.

Анна побледнела. А Надя изо всех сил старалась не податься отчаянию. Оно осело прямо между ребер и разрасталось с каждым ударом сердца. Все безнадежно. Она умрет еще до того, как появится шанс послужить своей стране.

– Там живого места не осталось, – разрывая повисшее между Надей и Малахией напряжение, тихо сказала Париджахан. – Военный лагерь, ближайшая деревня. Мы находились неподалеку, когда это случилось. И нам лишь чудом удалось сбежать. Другим повезло меньше.

Анна потеряла лоб. А когда Надя посмотрела на нее, ожидая хоть какого-то совета, хоть чего-нибудь, та только пожала плечами.

– Мне говорили только это, – сказала она. – Следующая застава...

– Неблизко, – продолжил Рашид.

Все надежды рухнули.

– Значит, я должна выслушать планы двух чужаков, которые приняли моего врага в свой круг с распростертыми объятиями?

Малахия улыбнулся.

Париджахан поджала губы.

– Когда мне было тринадцать, мою старшую сестру сосватали за транавийского славку. Брак был политическим, но

Таранех не теряла надежды. Она встречалась с женихом до свадьбы, и он казался таким... — она замолчала и покачала головой, не сводя взгляда с угла комнаты, — нормальным. Да, он был магом крови, но чего еще ждать от транавийца? Несмотря ни на что, свадьба прошла хорошо.

— Свадьба прошла не очень хорошо, — перебил Рашид.

На лице Париджахан мелькнула тень.

— Тогда мы не придали этому значения, ведь все понимали, что некоторое напряжение неизбежно.

От слов аколийцев Надю окутало нехорошее предчувствие, и она поерзала на стуле. А затем покосилась на Малахию, но тот смотрел на Париджахан, и на его лице не было ни враждебности, ни насмешки, скорее забота и внимание.

— Моя семья богата...

— Говори уж начистоту, Пардж, — тихо попросил Рашид.

Она вздохнула:

— Моя семья — одна из трех высших Траваш в Аколе. И через месяц после свадьбы мы узнали, что сестра убита в чужой стране из-за приданого.

— И Акола не пошла войной на обидчиков? — спросила Анна.

— У нас не было никаких доказательств, что это сделал транавиец. Сестра утонула в одном из сотен озер Транавии. — Париджахан горько рассмеялась. — Ну конечно, Акола же страна пустынь, так с чего бы сестре уметь плавать? Вот только Таранех была прекрасной пловчихой и своим самым лю-

бимым местом в мире считала оазис рядом с нашим домом.

– Так что ты здесь делаешь? – спросила Надя.

«И почему у тебя в друзьях транавийский маг крови?»

– К этому привели несколько опрометчивых решений, – сказал Рашид.

– Я отомстила, – как ни в чем не бывало сказала Пари-джахан. – И при транавийском дворе теперь на одного славку меньше.

– Почему ты не вернулась в Аколу? Почему осталась здесь?

– Я не хочу иметь ничего общего с семьей, которая не стала мстить за смерть своей дочери. Транавия не должна выиграть войну, – со злобой произнесла девушка. – Пусть они сидят в своей стране. Им нельзя позволять расползаться по миру.

Надя потеряла четки, выискивая бусину Вацлава, бога истины. И тут же почувствовала недоумение, когда он подтвердил, что они говорили правду. Даже транавиец.

– Но это не объясняет, что здесь делает он, – сказала Надя, указав на Малахию.

– Я – загадка, – насмешливо ответил Малахия. – О тебе ходили слухи по обе стороны от границы, towy dzimyka. Что в Калязине появился клирик, который спасет свою страну от нашествия транавийцев.

По телу Нади пробежал озноб. Она не понимала, шутил он или нет.

– Что?

– В Транавии прекрасно знают о твоём существовании. Думаешь, зачем Верховный принц – выдающийся военный тактик – напал на монастырь, завоевание которого не давало никакого стратегического преимущества? А раз знают в Транавии, то и в Калязине это у всех на устах.

Малахия говорил что-то еще, но Надя пыталась осознать то, что он сказал.

– Так вы втроем пришли сюда... из-за меня?

– Разве ты не чувствуешь себя от этого более важной? – Он вновь насмеялся над ней.

Надя вздохнула.

– Да, мы слышали о тебе и пришли сюда, – подтвердила Париджахан. – Я не верила, что из этого что-то выйдет, но вот ты здесь.

Становилось ясно, что не обошлось без божественного вмешательства, но Надя все равно считала, что тут было что-то не так. Словно она оказалась на перепутье и выбрала не ту тропинку. Вряд ли ей предназначено помогать еретику. Она отказывалась в это верить.

– Мне нужно время, чтобы все обдумать... и помолиться. – Надя поскоблила ложкой остатки каши. – Вы уже решили, как попасть в Транавию?

– Ты же не серьезно? – спросила Анна.

– А у нас есть выбор? – парировала Надя.

– Они еще ничего не придумали, – не дав Рашиду ска-

зять ни слова, выпалил Малахия и громко захлопнул книгу заклинаний. — Иди молись, — добавил он, вложив в последнее слово все свое презрение. — Попроси богов совершить невозможное.

Тропинка между деревьями вывела Надю к небольшому полуразрушенному каменному алтарю. От него остались лишь скамейка и резная скульптура Алёны, которую намеренно изобразили весьма двусмысленно. На улице царила тишина, ранние утренние лучи пробивались сквозь ветви деревьев и освещали фигуру богини так, словно она втягивала солнечный свет. Усевшись на скамью, Надя скрестила ноги.

Девушка стянула четки через голову и провела пальцами по бусинам. Ей хотелось собраться с силами и попытаться смириться с потерей дома и друзей. Надя чувствовала, как изнутри пожирала пустота, стоило ей подумать об обители или о Косте. Где она будет, когда боль от потери наконец настигнет ее? Сможет ли там уединиться, чтобы справиться с этим?

Слишком часто бессонными ночами Надя мечтала узнать хоть что-то о своих родителях. Все, что ей рассказали, — ее мать была одержима мыслью, что ее нерожденного дитя коснулись боги. Как говорил Отец Алексей, та появилась на пороге обители на девятом месяце беременности и после родов задержалась только лишь для того, чтобы наречь дочь Надеждой.

Даже фамилию Лаптева ей дали лишь потому, что она очень распространена. Только в четырнадцать лет Надя поняла, что за ней никто не вернется и ей уготовано провести всю свою жизнь в стенах обители. А «отцом» для нее на всю жизнь останется настоятель.

От воспоминания об Отце Алексее у нее заныло сердце. Он умер вместе со всеми, кого Надя знала и любила. Добрая Марина, которая таскала ей пробы – плоские, но вкусные лепешки, – когда никто не смотрел. Суровый Лев, который был невероятным рассказчиком, умевшим оживлять басни и легенды так, что Надя еще долго потом боялась уснуть.

Однажды вечером он рассказал ей историю о транавийском чудовище Кашивхесе, который пил кровь и умел силой подчинять разум жертв. Когда чуть позже она возвращалась в свою комнату по темному коридору обители, ей навстречу из чулана выскочил Костя. Она так сильно ударила его, что тому пришлось искать целительницу Ионну, чтобы залечить разбитую губу.

И теперь они погибли, а монастырь опустел. Его золотые святыни разграблены, иконы испорчены, алтарь скорее всего разбит, а статуи святых, наверное, лишились голов и рук. Все эти красивые – освященные – вещи осквернены ради магии и крови.

Пустота, заполнившая сердце и разум, не уступала место чувствам, и Наде оставалось лишь молча сидеть и ждать, что с ней заговорят боги. Но пока этого не случилось.

«Попроси богов совершить невозможное. Что за наглость», – подумала она. Надя не была уверена, что они ей помогут, но если Малахия прав, то ей просто некуда идти. Возможно, ей следует смотреть на это как на знак свыше и признать, что из-за обстоятельств она оказалась в ситуации, которая приведет к катастрофе.

Возвращаясь в церковь, Надя заметила Малахию, который пробирался сквозь деревья. Это заинтересовало ее, и она последовала за ним, перебирая бусины. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как транавиец остановился. Ее ладонь тут же опустилась на ворьен.

– Ты собираешься воткнуть мне в сердце один из твоих миленьких клинков, towy dzimyka?

– С удовольствием, – ответила Надя. – Почему ты меня так называешь?

Он повернулся к ней лицом и положил руку на книгу заклиний, висевшую на бедре.

– А как мне тебя называть?

Она все еще не назвала своего имени. Надя не понимала, почему ей хотелось и дальше его скрывать. Почему казалось, что стоит назвать имя, как он получит больше, чем заслуживает. Может, она просто сходит с ума.

– Надежда Лаптева, – сказала она, а затем добавила: – Можешь звать меня Надя.

На лице Малахии мелькнуло облегчение, но она решила, что ей просто показалось.

– Ну что, Надя, присоединяйся ко мне, – кивнув, сказал он.

Она сузила глаза:

– Ты собираешься увести меня в лес и убить?

– Это же ты следила за мной, – напомнил он.

Ее лицо тут же опалил жар.

– Мы не враги, Надя, – сказал Малахия и повернулся, чтобы продолжить путь.

– Не в этот момент, ты имеешь в виду?

Он помолчал, а затем оглянулся на нее и кивнул:

– Тебе не стоит меня бояться.

Пока. Надя прекрасно слышала это в его тоне, даже если он так не думал, даже если он никогда так не думал. Он был транавийским магом, а они по определению считались врагами.

И все же Надя последовала за ним.

На этой части склона деревья росли достаточно густо и, хотя их ветки покрывали не листья, а снег, было трудно разглядеть хоть что-то сквозь них. Вокруг царила тишина, за исключением льда, который потрескивал под ногами. Надя пыталась понять, куда они идут, когда Малахия протянул руку и остановил ее. А затем прижал палец к губам.

Они добрались до выступа, который опасно возвышался над обрывом. Малахия подошел поближе к краю и лег на снег. Поколебавшись, Надя последовала за ним.

Ей потребовалась всего секунда, чтобы осмотреть долину

внизу, но как только она это сделала, ей тут же захотелось вскочить и убежать. Положив руку девушке на плечо, Малахия прижал ее к земле. Надя застыла, как испуганный кролик, потому что это единственное, что ей оставалось. Она почувствовала, как напряглась его рука, прежде чем он ее отдернул, что, возможно, должно было успокоить Надю.

Вот только он привел ее напрямик к Верховному принцу.

Малахия склонился к Наде, и она напряглась, когда ее лицо опалило его дыхание, а губы оказались возле уха.

– Мою магию они смогут почувствовать лишь тогда, когда я ею воспользуюсь, – еле слышно прошептал он. – А твою они и вовсе не ощутят.

Покосившись на него, Надя стянула перчатку и принялась перебирать четки, пока не нашла бусину Златека.

Бог молчания ненавидел делиться с Надей чарами. Однажды он даже предложил лишить ее всякого благословения. Из-за его капризного характера Надя редко к нему обращалась, хотя его силы были чертовски полезными.

Она вознесла короткую молитву и уже подумала, что ей отказали, когда в мыслях вспыхнула короткая строчка священных слов. А тело окутало легкой волной магии.

«Спасибо, Златек».

Ответа не последовало. Она провела большим пальцем по бусине Маржени. Если потребуется убить транавийца, она готова к этому. Он не застанет ее врасплох.

Стоило прошептать заклинание Златека, как на мгнове-

ние разум окутала пелена, но как только все пришло в норму, а Надя пошевелилась, от снега под ней не донеслось ни единого скрипа. Она посмотрела на Малахию.

– Как интересно, – прочитала Надя по его губам, потому что с них не сорвалось ни звука.

Его брови от удивления взлетели на лоб.

Златек окутал своими чарами и Малахию.

«Хитрюга». Она приложила палец к губам и улыбнулась. Из-за заклинания даже стихли звуки ее дыхания. Вот только ее чувства тоже притупились.

А ведь прямо под навесом находились принц и его соратники. Он и еще один парень спешили, а одноглазая девушка со скучающим видом сидела на лошади, уперев локоть в луку седла и положив на ладонь подбородок.

– Если мы будем держать курс на восток, то ничего не случится, – сказала она.

Принц покачал головой и, порывшись в седельных сумках, вытащил карту.

– Разверни, – сказал он, протянув ее юноше с темно-коричневой кожей. – Мы едем напрямик на фронт, и мне бы не хотелось столкнуться с калязинской армией.

– Но если мы сделаем крюк, то потратим несколько дней, Серефин. Нам все равно придется огибать озерный край.

Но принц проигнорировал ее, а затем подошел к карте, которую разложили на поваленном дереве. И оказался лицом к скале, на которой прятались Надя и Малахия. За себя

она не переживала, ее белые волосы практически сливались со снегом. А вот он...

Стянув белый шарф с шеи, Надя протянула его транавийцу. Раз уж он не собирается скидывать ее с утеса в руки Верховного принца, то и не стоит привлекать к ним внимание черными волосами, которые темнели на снегу, как чернила на бумаге. Малахия непонимающе уставился на нее. Закатив глаза, она принялась наматывать шарф вокруг его головы. В его глазах вспыхнуло понимание, и он быстро спрятал волосы под тканью, а затем снова опустился на снег.

И как раз вовремя. Принц поднял голову и посмотрел на вершину утеса. Надя почувствовала, как вспотели ладони, несмотря на то что она прижималась к снегу. Выждав несколько секунд, показавшихся вечностью, она снова подняла голову.

– Продолжим двигаться на север, – тихо и задумчиво сказал принц. – Я бы с удовольствием потратил на это путешествие как можно больше времени, но, думаю, в этом нет смысла.

Надя не очень хорошо знала транавийский, поэтому старательно прислушивалась к разговору.

– Это всего лишь брак, Серефин, – поддразнил его второй парень.

– В Транавии не проводили Равалык уже несколько десятков лет. И иллюзия выбора намного хуже, чем просто жениться на случайной славке, с которой я встречался всего раз

в жизни.

Надя провела пальцами по рукояти своего ворьяна. И их тут же накрыла ладонь Малахии. Она хмуро посмотрела на него, а он покачал головой. Надя быстро отдернула руку. От его прикосновения по коже побежали мурашки.

Больше Надя ничего не услышала, потому что Малахия, стараясь не привлекать внимания, отполз назад. Она перекатилась в сторону и поднялась на ноги.

Как только они отошли на безопасное расстояние, транавиец провел пальцем по горлу. Стоило разорвать заклинание, а чарам развеяться, как он облегченно вздохнул. Надя невольно вздрогнула, когда чувства вновь обострились. Малахия развязал шарф и протянул ей.

– Кровь и кости, – пробормотал он. – Есть еще клирики, которые способны на подобное?

Надя пожала плечами:

– Я не слышала о других. Но это не означает, что я одна такая. Да и заклинание могло не сработать. Златек не любит сотрудничать.

Малахия склонил голову набок.

– Ты не слышал про бога молчания? У нас не так много молелен, посвященных ему. Кажется, одна находится в Тобальске.

Он покачал головой.

– Верно. Ты же транавиец.

Он слегка улыбнулся. И это была первая искренняя улыбка.

ка, которую она увидела у него на лице. Малахия даже стал выглядеть моложе и менее пугающим. Хотя вряд ли он был намного старше ее.

Юноша направился к церкви.

– Ты упустил отличную возможность убить наследника, – сказала она, следуя за ним под хруст снега.

– Убийство Верховного принца на территории Калязина приведет лишь к появлению новых транавийских войск, – ответил Малахия.

– Его смерть была бы на его совести, – пробормотала она. – Я не поняла, почему он возвращается домой...

Надя замолчала, когда Малахия нерешительно толкнул дверь в церковь и нахмурился.

Вокруг царила полная тишина.

– Мы отсутствовали не очень долго, – сказала Надя.

– Дело не в этом... – пробормотал он, а затем тихо выругался.

Вдруг он прижал к косяку два окровавленных пальца и свел брови от усердия. Потянувшись за книгой, Малахия вырвал из нее страницу, а затем прижал к двери. Кровь пропитала бумагу, вырисовывая трезубый символ, который расползся по всей двери.

– Не подходи, – сказал он.

– Почему?

– Кто-то окутал магией церковь, – медленно произнес он. – Кто-то из транавийцев захотел узнать, кто здесь.

Надя отступила подальше.

– Это принц?

– Нет. Заклинание пришло с другой стороны. Я так полагаю, у тебя нет бога, разрушающего заклинания?

Надя усмехнулась. Но не стала игнорировать его вопрос, хоть он и задал его в шутку.

– Нет, прости.

– Какой позор. Придется делать все самому.

Достав зловещий на вид кинжал, он прорезал длинную линию на предплечье. Надя поморщилась. Его руки оказались испещрены ребристыми, пересекающимися шрамами и полужазившими порезами.

– Подержишь? – Малахия протянул ей книгу заклинаний. Удивившись, Надя тут же взяла ее.

Когда он отступил назад, страница осталась на двери, словно приклеенная к дереву, а символ тускло светился вокруг нее. Малахия провел двумя пальцами по кровоточащей ране на руке, подошел к стене рядом с дверью и нарисовал кровью на дереве несколько символов. Но тут же замер, а на его лице отразилось что-то похожее на ужас.

– Ох, – выдохнул он. – Это очень плохо.

Малахия повернулся к Наде и открыл книгу заклинаний, которую та все еще удерживала в руках. Девушка приподняла ее, хотя и испытывала некоторую брезгливость, что выполняла роль подставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.